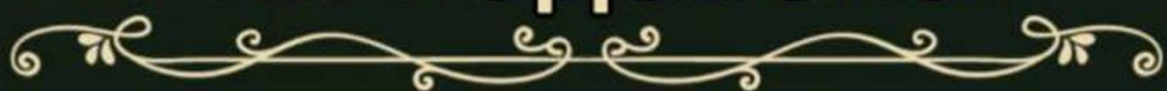

Рия Радовская

ВЛЮБИТЬСЯ
ЗА НЕДЕЛЮ

Рия Радовская

Влюбись за неделю

«Автор»

2026

Радовская Р.

Влюбись за неделю / Р. Радовская — «Автор», 2026

Можно ли влюбиться по заказу? Еще вчера я бы ответила: нет. Но сегодня у меня просто нет выхода. Никогда не верить в магию и вдруг угодить в волшебный мир! Ничего не знать о проклятиях и внезапно принять участие в темном ритуале! Все это обо мне. А времени осталось — неделя. Влюбись или умри и утяни за собой невольного нареченного. Кошмар, а не перспективы. И никакой прекрасный волшебный мир не спасет. А все из-за истеричной идиотки, в тело которой угораздило попасть. Теперь у меня в советчиках — призрак, в начальниках — профессор магической академии, а в лифчике — такое богатство, что невозможно таскать. И что, спрашивается, со всем этим делать?

© Радовская Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. День первый: вторник	5
2	10
3	15
4	21
ГЛАВА 2. День второй: среда	26
2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рия Радовская

Влюбись за неделю

ГЛАВА 1. День первый: вторник

Всегда считала, что нормальная реакция на призрака – завизжать. То есть, конечно, если веришь в эту чушь, а если нет – внимательно оглядеться вокруг в поисках скрытой камеры, сделать фотогеничное лицо и уже тогда визжать, в меру громко и не теряя улыбки. Потому что современные спецэффекты могут все – смогут, наверное, и призрака. Изобразить. Достоверно, с выстушающей аурой, или как там это называется, и всего в шаге от тебя. Вот как этот...

Завизжать почему-то не получилось, а мысль о скрытой камере мелькнула и ушла. Я протянула руку и ткнула пальцем в белесый стылый туман – туда, где в колыхающейся призрачной фигуре едва угадывалось лицо.

– Эй, поосторожней! Ничего себе знакомство – пальцем в глаз! – тут призрак, судя по голосу, женщины, осекся, подлетел ближе, завис, будто пристально в меня всматривался. И завизжал так пронзительно, будто его резали. Если, конечно, можно резать нечто нематериальное.

– Ты чего? – ошеломленно спросила я.

– Тело! У тебя! – Захотелось зажать уши, но призрак вдруг метнулся ко мне, я инстинктивно шарахнулась назад, обо что-то споткнулась и упала, больно отбив задницу о твердый и холодный пол. А призрак рухнул сверху. Ощущение – бр-р-р!!! Как будто тебя проглотила скользкая, обжигающе-ледяная медуза.

– Пусти! – заорала я.

Но вряд ли была услышана, потому что призрак завопил вместе со мной:

– Осторожней, дура неуклюжая! Ритуальный круг! Чего разлеглась? Вставай быстро!

– И не подумаю, пока не отпустишь, – процедила я. Когда чего-то требуют настолько хамским образом, да еще и с оскорблениями, надо реагировать адекватно, то есть – или слать подальше, или выдвигать встречные условия. Желательно такие, чтобы хам сам усался.

Белесая ледяная муть отодвинулась, я с трудом поднялась на вдруг ослабевшие ноги и наконец осмотрелась.

Небольшая комната, окон нет, свет – от выстроенных в круг на полу свечей. Гладко оштукатуренные стены, густо покрытые вязью непонятных символов. Такими же символами расписан пол снаружи от свечей, внутри – идеально гладкий и чистый... Бетон? Нет, камень. Похоже, натуральный. Даже прожилки угадываются, тоже серые, но светлее, белесые, словно этот призрак.

Ритуальный круг, значит?

М-да. Кажется, мое последнее расследование зашло куда-то не туда. Решительно и категорически не туда!

Я наклонилась пощупать пол и замерла. Пальцы, которые ощущались своими, были... да чужие они были! Мои – изящные. Я считаю, мне вообще повезло с руками: красивая кисть, пальцы, какие называют музыкальными, и кольца на них отлично смотрятся. Люблю кольца и красивый маникюр. А сейчас вместо любимого перстня-змейки с глазами-рубинами и алого в тон рубину маникюра я видела скромный светлый – серебряный? – перстенок с розоватым сердоликом или, может быть, яшмой, и пусть аккуратные, но все-таки коротко, почти вчистую подстриженные ногти. Хотя пальцы тоже... ничего так. Но мои лучше.

Так, стоп. О чем я думаю, какая разница, лучше или нет, если это – чужие?!

– Ну и что уставилась? – возмутился призрак. – Отдавай мое тело и катись, откуда пришла!

– Я пришла?! Твое тело?! Да забирай! И немедленно отправляй меня обратно! Это ведь ты натворила!

– Я творила не это!

– А что?! – Что вообще надо было творить для такого... Язык не поворачивается сказать «результата»! Дьявола вызывать?! Кажется, та «потомственная темная ведьма», которую я собиралась вывести на чистую воду, утверждала, что дьявола не существует. Хотя что взять с шарлатанки. Или... Не такая она и шарлатанка, раз я вместо ее полутемного, оформленного с претензией на загадочность салона стою вот здесь? Может, это ее рук дело, а не этой... визгливой?

– Ритуал! Сложный приворотный ритуал-а-ал! – провыл призрак и будто растаял в воздухе, чтобы тут же проявиться в другом углу комнаты. – И что теперь де-е-елать?

– Какой ритуал?! Так, стоп! – Я окончательно перестала что-либо понимать. Сначала призрак, теперь ритуал. Приворотный или еще какой – это дело десятое. Главное – результат налицо. Пусть и не такой, какого ожидали. – Ритуал, – повторила я. – Настоящий. То есть это не сказки, не шарлатанство и не...

– Ты что, ритуалистику не изучала? – в подвываниях вдруг даже прорезалось что-то вроде насмешки. – Отсталая?

– Сама ты отсталая! Веришь во всякую чушь? Еще скажи, что экстрасенсы, ясновидящие и потомственные темные ведьмы – не мошенники.

– Пф! – отчетливо фыркнула эта призрачная нахалка. – Мошенников полно, и идиотов тоже. Потому что настоящая сила дается не всем. Но знать, что такое ритуал, должен каждый образованный маг!

– Я! Не! Маг! – Прозвучало не внушительно и весомо, как задумывалось, а... да тоже – почти истерически! Заразная она, что ли?!

– Дура и есть. Да и я, кажется, не лучше. Жди здесь!

Призрак исчез – на этот раз совсем, а я села на пол и уставилась на свои-не-свои руки. Поднесла ладони к глазам. Сжала и разжала кулаки. Чужие, но мои?! Нет, мои – но чужие. Не то кольцо, не тот маникюр. Нет привычных часов-браслета. Зато кожа нежная и шелковистая, у меня даже после лучшего крема не такая.

А что на мне надето? Какой-то удручающий гибрид лабораторного халата и вечернего платья – длинное, по щиколотку, одеяние нараспашку из белого плотного сатина, под которым, слава всему, вполне нормальные, только слишком узкие и яркие брюки и обтягивающая маечка. Оч-чень обтягивающая! И ведь есть что обтягивать! Я ощупала себя, потом попробовала рассмотреть, потом снова ощупала... Вот это сиськи! Я же не могла прибавить в одно мгновение пару-тройку размеров?

В пылу спора с истеричным призраком я слишком легко восприняла, что нахожусь не в своем теле. Даже почти забыла об этом. Но теперь накатило понимание – правда. Почему-то возможность того, что «потомственная темная» опоила или одурманила какой-нибудь дрянью, мозг отмел сразу. Любой бред опирается на известное, а тут...

Резко захотелось посмотреться в зеркало. Но зеркал в этом ритуальном... ну, не зале, очевидно! Ритуальной камерке? В общем, зеркал предусмотрено не было, и по карманам тоже не нашлось ни пудреницы, ни губной помады с зеркальцем. Вообще удручающе пусто. Только одинокий ключик, правда, на оч-чень необычном брелоке. Круглая матово-белая бляшка, похожая на большую монету, слегка светилась или – как же это называется?! – опалесцировала? Я долго вертела ее в руках, пытаюсь понять, что за материал. Идеально гладкий, приятный на ощупь. Не керамика. Слишком тяжелый для пластмассы. Не металл. Кость? Не бывает таких костей! Неведомый материал заворожил, и я не сразу заметила надпись, не выбитую или нанесенную

поверху, а словно вплавленную внутрь, в самую глубину брелока. АПЦиХБИ. Абракадабра... а, нет, это не все. АПЦиХБИ им. Панацеи Г. Хм. Ну, хоть одно слово знакомо. Выходит, что-то, связанное с медициной, уже информация.

Повертев в руках непонятный брелок, снова подумала о перемещении. Если я – в теле этого истеричного призрака, а призрак... ну, он призрак и есть – что же с моим, родным и законным телом? Без сознания? В коме? Умерло? Только не это! Надо же в него возвращаться, когда призрачная девица поймет, где ошиблась, и все исправит! А то ведь получается, будто я присматриваю за чужой квартирой, а в моей тем временем пожар, потоп и нашествие грабителей?!

– Эй, сколько ждать? – заорала я. Вдруг услышит? – Ты где? Ты меня обратно возвращать думаешь или нет?!

– Не думаю, потому что не могу. – Девица выплыла прямо из стены, вроде та же самая, белая и полупрозрачная, но голос звучал иначе. Плавный, приглушенный, без истеричных ноток. Потусторонний, что ли. Аж морозом продрало. – Ты не вернешься.

– Как не вернусь? Почему?! – Заметались заполошные мысли обо всем сразу: о шарлатанке-ведьме, которая все-таки, наверное, приложила руку к этому безобразию, и купленном на прошлой неделе билете в Сидней. О незавершенных проектах и не сданных в срок материалах, даже о рыжей наглой Алисе, которую обещала кормить и вычесывать, пока миссис Уилберн загорает на пляже в Брайтоне.

– Неправильные пути, темные, забытые. Приняли жертву и закрылись. Насовсем.

– Какую жертву? – Хотелось закричать, но вместо этого выдавила чуть слышный шепот, потому что уже поняла: жертва – я. Та, настоящая.

– Я, – будто эхом отозвалась девица. – Ты все еще жива, а я – нет.

– Но если я жива, меня надо вернуть в себя!

– Глупая. Ты жива – здесь. В моем теле, но ведь не тело главное. Ты – это все еще ты.

– А ты? – Как-то сразу, мгновенно забылось собственное раздражение и возмущение, сменившись острым, непривычно болезненным сочувствием.

– Уже нет. Время упущено, пути закрыты, ритуал завершен. Связь с телом разорвана. Если бы в него не притянуло тебя, здесь утром нашли бы труп.

– И что мне делать?

Не то чтобы я ждала ответа. Кажется, ясно и так – принять ситуацию и жить дальше. Но ответ мне дали, да какой!

– Ты должна обмануть судьбу. Обойти проклятье, иначе оно унесет еще две жизни.

– Подожди! – я схватилась за голову и вздрогнула, ощутив вместо привычной короткой стрижки густые волнистые локоны. – Стой, не так быстро. Ты говорила о ритуале, а не о проклятье! О приворотном ритуале, – вспомнилась важная, наверное, подробность. – Приворот можно, конечно, считать и проклятьем, но как-то... условно? Скорее в философском плане, чем...

– Та, кем я была до, ошиблась, – видимо, призраку надоело слушать мой беспомощный лепет. – Вмешалась в то, во что нельзя вмешиваться. Призвала не те силы, произнесла не те слова. Мне жаль. Постараюсь помочь. Теперь вижу больше, гораздо больше. Знаю то, чего никогда не знала.

– Что за проклятье?

– На любовь. У тебя есть неделя. У него – тоже. Не будет любви – не будет жизни. У вас обоих.

– У меня?

– У этого тела, – показалось, призрак пожал плечами. – Значит, у тебя. И у Дугала. А он даже ни о чем не знал.

– Дугал еще какой-то... Он хоть кто? Я ведь тебя правильно поняла, ты на него приворот делала? И теперь он должен влюбиться в меня?

– Он в тебя, а ты – в него.

– А если он мне не понравится?

– Вы умрете. Оба. И знаешь что? – волосы призрака вдруг вздыбились, и сам он словно налился потусторонним мертвенным светом. – Если он умрет, я тебе этого не прошу! Найду даже в посмертии.

– Ишь какая, – я встала, отряхнула халат. – Себе не прости сначала. Ты ведь это все затеяла, не я. Но жить хочу, так что давай надеяться, что твой Дугал мне понравится. Хоть немножко.

– Он никогда не был моим. Та, кем я была до... Мне жаль, правда. Обычная глупость, спор с подружками, желание нравиться всем, даже ему. Никаких чувств, кроме гордости и эгоизма.

– Да-а... Ну ты и... – Даже слов нельзя подобрать для такого!

– Если бы можно было исправить... Но что сделано, то сделано.

– Как хоть зовут тебя? Или теперь уже меня?

– Шарлотта, – призрак подлетел совсем близко. – Шарлотта Блер. Теперь пора уйти отсюда. Покажу тебе все, что необходимо. Ты можешь занять дом, разрешаю. Взять имя, работу...

– Стоп-стоп-стоп, а кем ты работаешь?

– Ассистент доктора магической химии и фармацевтики, заведующего кафедрой снадобий и эликсиров, профессора Дугала Норвуда. Того самого.

– В которого мне надо влюбиться?

– И добиться ответной любви, – напонила Шарлотта. – Сама поймешь, насколько это сложная задача. Он – не слишком приятный в общении человек. Гений, одним словом.

– А я не разбираюсь даже в обычной химии и тем более фармацевтике. Не говоря уж о... стоп! Магической?! Куда я вообще попала? Это все еще Земля? – Очевидно, да, раз призрак носит вполне обычное имя Шарлотта, и на брелоке – латинские буквы. Но магия?!

– Конечно, Земля. Англия, если хочешь точнее. Академия Панацеи.

– На той Земле, которую я знаю, магической химии не существует в принципе!

– А здесь – существует.

– Значит, не Земля. Или параллельный мир, хотя какая разница. По-моему, то и то невозможно. Ну ты и... нартуалила! Руки бы за такое поотрывать.

– Та, кем я была, за «такое» умерла.

– А мне что делать? Та идиотка, которой ты была, сама виновата, а я при чем?! – почему-то невозможность вернуться к себе домой хотя бы в чужом теле, покормить все-таки Алису, доделать дела, да хотя бы отдышаться от всей этой ерунды, сидя в любимом кресле, ударила сильнее, чем угроза смерти всего лишь через неделю. Окончательный приговор...

– А ты была не в своем мире, когда все случилось, и без тела, кстати. Так что называй как хочешь – судьбой или неудачным стечением обстоятельств, ничего не изменится. Но твоя вина в этом тоже есть. Не стоит заглядывать туда, куда не следует. Особенно если ты к такому не подготовлена.

– Та-ак... Значит, та ведьма все-таки... убила меня, что ли?!

– Никто тебя не убивал. Не знаю, как ты привыкла это называть. Астральным перемещением, быть может. Та ведьма... не могу дотянуться отсюда. Хотела доказать, что ты ошибаешься. Но ты не желала слушать. А попав в мир за пределами твоего понимания, повела себя как... Не знаю, пути закрылись. Ритуал притянул тебя сюда. И давай вернемся к важному. Случившееся уже случилось.

– Ах да. А теперь у меня неделя, чтобы не умереть уже окончательно. – Пришлось постараться, чтобы сосредоточиться на «важном». – Короче говоря, мы остановились на том, что ассистент профессора и тем более гения из меня будет как из слона балерина. – Я вздохнула и призналась в главном: – В любви понимаю даже меньше, чем в химии. Если, конечно, не брать в расчет несчастную и безответную. Может, проще сразу уволиться? Провести последнюю неделю жизни в разгуле, в Сидней вон слетать... давно хотела... в этом мире есть Сидней?

– Есть. Но сначала ты сделаешь все, что в твоих силах, – непреклонным тоном отозвалась Шарлотта. – Нужно исправить, изменить, так, как сейчас – не годится. На моей душе пока одна смерть, еще и ваших – не хочу. Сказала ведь – помогу. Пойдем, отведу тебя домой и расскажу о Шарлотте, о работе, об остальном. Ты не должна выдать себя, иначе исправлять станет совсем сложно. Будешь работать с ним рядом, а через неделю... так или иначе что-то изменится. – Она исчезла, чтобы тут же высунуться по пояс из стены. – Иди же!

– Куда?! – Я подергала запертую дверь. Под круглой ручкой не было ни намека на замочную скважину.

– Ключ у тебя в руках. Приложи пропуск к двери. Вот этот, – она указала на брелок.

И правда, стоило поднести его к замку – дверь открылась.

– Кстати, я Салли, – сообщила в спину плывущей по темному узкому коридору Шарлотте. – Фрейя Салливан, если полностью.

– Ты Шарлотта Блер, – возразила эта... ритуалистка. – Теперь. По крайней мере, на ближайшую неделю. Потом – решишь.

2

Академия Панацеи, в которой работала Шарлотта и преподавал этот самый Дугал – доктор, гений и малоприветный человек, представляла собой почти что средневековый замок, горделиво возвышавшийся на холме посреди вересковых пустошей. У подножия холма с одной стороны раскинулась деревенька, где жили преподаватели и обслуживающий персонал, а с другой стояли несколько небольших, приятных глазу двухэтажных общежитий для студентов. Наверное, днем вид отсюда открывался потрясающий. Но сейчас, в тусклом свете луны, едва разбавлявшем ночную тьму, все выглядело уныло и, пожалуй, мистически. В худшем смысле этого слова. Только в таком мрачном месте и можно вляпаться в ритуал со смертельным проклятием. Вот во что-то хорошее – сомнительно. Немного скрашивали впечатление яркие фонари у общежитий и в деревне, но по контрасту с ними тьма вокруг казалась густой, почти осязаемой.

Да и сами фонари были... странные. Я даже не сразу поняла, почему. Только потом осознала: свет не похож был на привычный мне, отдавал холодной голубизной и чем-то потусторонним. Тоже магия?

– Вон твой дом, – махнула призрачной рукой Шарлотта. Куда-то в сторону целой улицы однотипных кирпичных коттеджей. То есть... не знаю, можно ли назвать улицей дома, к которым не ведет даже самая захудалая дорога? Ни к преподавательскому поселку, ни к общежитиям. Как будто они здесь на метлах летают! А что – магия же?

Шарлотта, услышав о метлах, объяснила:

– Есть порталная сеть. Тебе надо научиться открывать порталы – все умеют, даже дети. Это просто.

– Ах да, забыла сказать – я не маг. Хотя нет. Говорила.

– Теперь – маг. – Шарлотта будто не слышала мою иронию. Ее леденящая, потусторонняя безэмоциональность начинала меня пугать. Лучше бы визжала и истерила, как в самом начале! – Ты же получила тело волшебницы. Оно помнит, нужно, чтобы и ты вспомнила.

«Перевести память тела в осознанные знания – да уж, ничего себе задача! Как?!»

Призрачное тело Шарлотты вдруг обволокло меня, охватило липко, леденяще. Рука сама пошла вверх, как будто отдергивая штору. За «шторой» открылся кусочек гостиной: яркое зеленое кресло, стеклянный столик, на столике – заварной чайник, чашка, начатая пачка печенья и раскрытый журнал, перевернутый корешком вверх. На обложке призывно улыбалась кукольного вида блондинка в коротком расклешенном платьишке цвета фуксии. «Тенденции сезона – яркость!» – орали крупные буквы поверх блондинки.

Я шагнула туда – как-то по-особенному шагнула, прекрасно осознавая, что этот «шаг» съест хоть полчаса ходьбы, хоть половину суток в самолете. «Штора» мягко опустилась за спиной, отсекая путь. Шарлотта повисла рядом, а я наконец смогла вдохнуть нормального воздуха, а не могильного холода.

– Очень просто. Запомнила?

Я хотела сказать, что даже не поняла ничего, но... Ну да, не поняла. Но повторить смогу, это чувствовала.

– А как определить, куда идти? Только в знакомые места?

– Я проведу тебя везде. Пока не освоишься. А для общественных порталов знать, как выглядит выход, не обязательно. Если хочешь чаю, кухня налево. – Показалось, или она все-таки вдохнула? – Надеюсь, тебе нравятся кексы. Это тело их любит.

Кексы, чай и рассказ. Подробный, но не слишком понятный. Начать с того, что это на самом деле Земля, на самом деле Англия, но магия здесь в порядке вещей. Вместо метро,

автобусов и электричек – общественная порталная сеть. Химия – та самая, которую я теперь, по идее, обязана знать хотя бы на уровне бакалавра, а не давно забытого школьного курса! – подразделяется не только на органическую и неорганическую, но и на магическую и нет. Целители... это вообще особый разговор, потому что как раз они магией владеют на очень высоком уровне. А готовят их в этой самой академии с зубодробительной аббревиатурой вместо названия.

– Академия прикладного целительства и химиобиологических исследований имени Панацеи Гарморанской, – озвучила Шарлотта. И добавила: – Все говорят просто «Академия Панацеи». А кафедра доктора Норвуда – снадобий и эликсиров. Магическая фармакология – такое название тебе проще понять?

– Совсем проще...

– Не бойся, ничего сложного делать не придется. Тем более у доктора Дугала – «я сам, не трогайте, не прикасайтесь!» Ассистентка ведет документацию – уж в бумагах ты разберешься? Регистрирует почту, принимает и отправляет. У профессора обширная переписка, он светило мирового уровня, – пояснила с неожиданной гордостью, будто сама это светило зажгла. – Придется контролировать расписание занятий. Следить, чтобы не было накладок. Бывает, его вызывают на конференцию или срочный консилиум. Тогда нужно все корректировать и устраивать замены. А если у него важная фаза эксперимента, дает внеплановую контрольную. Тогда будешь просто сидеть в аудитории и следить, чтобы не списывали. Он даже кофе себе делает сам.

– В общем, что-то вроде секретарши. Ладно, справлюсь. Наверное. А знаешь, подруга, что-то кажется мне, что ты в него все-таки влюблена. Хоть самую малость.

– Ты считаешь, довольно легкомысленная и эгоистичная девушка может влюбиться в человека, который вместо «здравствуйте» говорит «вы отвратительно выглядите. Соберите волосы – испортите зелье», а вместо «до свидания» – «Да исчезните же наконец с глаз моих»?

– Считаешь же ты, что я в него влюблюсь. Да еще всего за неделю.

– А ты легкомысленная и эгоистичная? – спросила Шарлотта, но ответа не ждала, будто и так его знала. Хотя я бы, если честно, и не смогла ответить. Все мы эгоистки и легкомысленные... бываем. А бываем и другими. И с разными людьми – разными. Вон, та же миссис Уилберн считает меня милой и отзывчивой, а наш выпускающий редактор – отъявленной стервой. Откуда мне знать, какой я буду рядом с незнакомым пока доктором Норвудом?

Откуда-то сверху раздался истошный трезвон.

– Будильник, – призрачное личико Шарлотты подернулось рябью: наверное, она так морщилась. Все-таки если есть что-то неизменное во всех мирах, то это будильники и общая к ним нелюбовь... – Там спальня. Через час ты должна быть на кафедре.

– Мы что, всю ночь проговорили? – изумилась я.

– Почти. А теперь ты должна привести себя в порядок, переодеться, причесаться...

– Собрать волосы, чтобы не испортить зелья, да, поняла. Кстати, спасибо что напомнила – где у тебя зеркало? Хочу наконец посмотреть, в кого я превратилась.

«Что ж, могло быть и хуже», – думала я, глядя в огромное, во всю стену, зеркало в ванной. – «Ладно уж, гораздо хуже». Шарлотту природа не обделила. Пожалуй, это тело назвали бы роскошным те, кто не в восторге от современных тенденций моды. Тонкая талия, крутые бедра, вызывающе высокая объемистая грудь. Тяжелая, это я ощущала очень хорошо уже сейчас, прохладив с ней всего-то несколько часов. «Здравствуй, Барби», – подумалось мрачно. Разве что не блондинка. Блестящая каштановая копна завивалась непокорными локонами. Сколько же надо укладывать такую шевелюру? Ужас. «Через час на кафедре»?! Этого явно не хватит, чтобы помыть, высушить и придать хоть какой-то вменяемый вид.

– Не нравится? – спросила Шарлотта, всплывая в ванную. – Той мне нравилось.

– Может, подстричься? – я задумчиво подергала волнистую прядь. – Что-то не вижу здесь фена и вообще электричества. Кстати, а свет откуда? – люстра в гостиной и плафон в ванной горели вполне привычно, ярко. Не так мертвенно, как уличные фонари. Но – ни розеток, ни выключателей.

– Магия. Давай покажу.

Снова уже почти привычное ощущение заглотившей тебя склизкой холодной медузы – и руки взметнулись, творя пассы. Р-раз – по голове прошла горячая волна, волосы заблестели и легли волосок к волоску. Два – непокорная шевелюра уложилась в высокую строгую прическу. Тр-ри – с лица исчезли следы бессонной ночи и тяжелого разговора, щеки мягко зарумянились, заодно заблестели глаза. Красотка!

– В такую ассистентку не влюбиться – твой Дугал точно сухарь сухарем, – озвучила я логичный вывод.

Шарлотта еще раз взмахнула моей рукой, выключая свет в ванной.

– А теперь – на кухню. Научу быстро готовить завтрак и делать кофе.

На кафедре Шарлотта меня – или нас? – доставила за пять минут до начала рабочего дня. Дугал был уже здесь, и я с жадным любопытством уставилась на своего предполагаемого нареченного. Тот, впрочем, почти весь прятался за развернутой газетой – кажется, немецкой. Только и разглядела, что жгуче-черную макушку и длинные пальцы без колец. Да еще Шарлотта тут же одернула:

– Не смотри так пристально. Поздоровайся и беги разбирать почту. Давай, «доброе утро, профессор Норвуд»!

– Доброе утро, профессор Норвуд, – попугаем повторила я и пробежала к столу, на котором громоздилась неровная стопка газет, писем и бандеролей. Если это почта за один день – как он еще и преподавать успевает?!

– Подозрительная пунктуальность, – пробормотал себе под нос этот доктор-профессор. Даже головы не поднял от газеты. – Я жду пакет из Мюнхенской академии, посмотрите.

– Смотри, – велела Шарлотта. – Немецкий опознать сможешь?

– Я...

– Отвечай мысленно.

«Я знаю немецкий, немного».

– Хорошо. Ищи.

Объемистый пакет нашелся в самой середине стопки – судя по весу и формату, два или три довольно толстых журнала. Под руководством Шарлотты заодно выбрала несколько писем от постоянных корреспондентов. Положила на стол профессора. Слегка задержалась – сейчас, хоть и в неудачном ракурсе, можно было рассмотреть лицо.

Ну и ничего особенного. Мужчина как мужчина. Лет тридцати с небольшим, наверное. Слишком бледный для жгучего брюнета – совсем, что ли, на улицу нос не высовывает? Чисто выбрит, аккуратен – а я уже вообразила себе классического «безумного гения», вечно растрепанного и неухоженного. Он вдруг оторвался от газеты и поднял на меня взгляд. Темный, даже пугающий.

– Если вам что-то нужно, говорите поскорее. Не маячьте.

Зар-р-раза!

– Я хотела напомнить, что первой парой... – «Шарлотта! Кто у нас первой парой? Быстро!» – «Целители, первый курс», – подсказала та. Я подхватила: – Целители, первый курс. Если у вас что-то важное...

– Когда я впаду в маразм, вы узнаете об этом первой. Пока же, будьте добры, займитесь делом.

«Безнадежно!» – с чувством выдала я, почти шарахнувшись от его стола. Вопреки моим ожиданиям, Шарлотта промолчала.

До конца рабочего дня – а это, между прочим, четыре пары, плюс большой обеденный перерыв, и несколько часов консультаций после! – я услышала от него еще ровно три фразы. «Отправьте это срочной почтой». «Нет, и перестаньте уже меня отвлекать!» – в ответ на предложенный кофе. И «Не забудьте закрыть дверь», – на мое «До свидания, профессор Норвуд».

«Что это вообще было? – спросила я у Шарлотты, выйдя на улицу и подставив лицо холодному вечернему ветру. – Что-то вроде «Сгиньте с глаз моих»? Или намек на то, что без прямого указания я не способна даже двери закрыть?»

– Он не любит открытые двери. А та Шарлотта не любила закрытые. Ну и... – она как будто задумалась, – иногда лучше хоть какая-то реакция, чем тотальное равнодушие. Той мне так казалось.

«Сочувствую, подруга. Насчет равнодушия. Знакомо». – Я попыталась распустить волосы, но скрепленная магией прическа не поддавалась.

– Не думай, – подсказала Шарлотта, – Просто поверь, что получится.

Хотела сказать, что не так просто поверить, если никогда... но пока подбирала слова, вдруг и вправду – получилось. Словно само собой.

Ветер подхватил освобожденные пряди, спутал. Хорошо! Как же устает голова от стянутых волос! И зачем было собирать их в узел, если за весь день ни одного зелья, которое могла бы гипотетически испортить, я и близко не видела?

– Увидишь еще. Ты пока не была ни в его личной академической лаборатории, ни в общей, студенческой.

Да нигде я еще не была! Первый день из семи прошел – как в пропасть ухнул. В бездну. Просидела носом в почту, пробегала опять же с почтой и с расписанием. В обед, когда профессор куда-то ушел, тайком заглянула в оставленный им на столе журнал. Тот самый, из Мюнхена. Куча химических формул, на полстраницы каждая. Самую простую из них я очень неуверенно опознала как «какая-то жуть из органической химии», но в основном там была «какая-то в принципе неопознаваемая жуть».

– Это поймет полностью пара десятков человек в мире, – сказала Шарлотта. – Не больше. Высшая магия в приложении к эликсирам.

День в никуда. День, в котором даже не нашлось времени подумать о почти безнадежном квесте «взаимная любовь за неделю». И хорошо, что не нашлось. Потому что сейчас я очень ясно поняла, что хочу жить. Невыносимо хочу. Гораздо сильнее, чем мне казалось прежде. Ведь по-настоящему важно не то, что дома ждет разве что соседкина кошка! А вот этот ветер, которого Шарлотта наверняка уже не чувствует. Далекий Сидней, что, похоже, так и останется несбывшейся мечтой. Миллион повседневных незаметных мелочей, оказывающихся значимыми, когда их теряешь. Жизнь, где можно мечтать о будущем, планировать или просто ждать, твердо зная, что оно у тебя есть. Настоящее, долгое и желательно счастливое будущее, а не жалкие шесть дней и один вечер!

И новый мир, полный чудес – я только, можно сказать, в щелочку заглянула, еще и не видела ничего, а уже так хочется освоиться здесь и разобраться! Магия. Настоящее, а не подделанное мошенниками волшебство. Шаг – и ты хоть в другом городе, хоть на другом краю мира! Без давки в метро, без страха перед авиакатастрофами. Пара взмахов руки – и порядок у тебя на голове и в доме. Что же тогда можно сотворить, приложив действительно серьезные усилия?!

Выхваченные краем уха обрывки разговоров – в обед, в столовой, и между парами, пока бегала меняла расписание – оказались для меня почти полностью непонятны. Обсуждали особенности каких-то фаз в каких-то ритуалах, и меняются ли те от замены латыни на греческий или санскрит. Сетовали на неурожай каких-то ползучих гнильников – честное слово, я бы не расстроилась неурожаю чего-то с таким неаппетитным названием! Жаловались на профессора Крушански, завалившего на зачете почти всю группу – эта беда была бы как раз вполне

понятна, если бы не тема зачета: «Влияние сейсмической активности магических территорий на развитие популяции сенсории обыкновенной». Что такое эта самая сенсория? Имеет какое-то отношение к сенсорам или просто звучит похоже? Шарлотта, подслушав мое недоумение, объяснила загадочно:

– Доктор Крушански – ведущий специалист по динамике популяций, но его теорию контроля сейсмической стабильности многие считают бездоказательной.

«У вас же медицинская академия? – удивилась я. – При чем тут популяции и тем более сейсмическая активность?»

– Сенсория, – пояснила Шарлотта. – Редкий и ценный ингредиент, встречается только в сейсмически нестабильных районах. Предвещает землетрясения, извержения и другие катаклизмы взрывным размножением. То есть Крушански так считает. Предлагает всем несогласным поселиться где-нибудь на склоне Кракатау или Мауна-Лоа и проверить лично.

Короче говоря, новых интересных тем в этом мире хватило бы мне на годы и годы. А тут...

Стоп. Я ведь даже не знаю точно...

«Шарлотта, послушай! Ты говорила – неделя?»

– Да. У тебя проблемы с памятью?

«С календарем! – огрызнулась я. – Как считается эта неделя? С сегодняшнего утра? С начала суток? Сколько у меня времени – точно?»

Шарлотта ответила не сразу. Висела, колыхаясь под ветром, как полупрозрачная мокрая простыня, и молчала. Я ждала, все больше нервничая. Она что – только сейчас задумалась об этом и решила сосчитать? Или сама не знает?

Наконец ответила:

– Все пошло не так со второй фазы ритуала. Вторая фаза обязательно начинается ровно в полночь. Та я это хорошо помнила. Значит, с полуночи или немного позже, когда это тело осталось без души.

Прекрасно. Минус ночь. Хотя... если уж честно, что может случиться ночью? Будь доктор Норвуд каким-нибудь веселым тусовщиком, или казановой, не пропускающим ни одной юбки и тем более таких выдающихся сисек, или хотя бы любителем ночных прогулок под ручку с собственной ассистенткой – другое дело. Но с этим сухарем вряд ли можно рассчитывать на общение в нерабочее время.

Безнадежно. Без-на-деж-но.

– Шарлотта, – попросила я, быстро стерев предательскую слезу, – пошли домой.

– Иди, ты умеешь, – отозвалась та. Я отдернула невидимую штору и шагнула...

3

В отличие от быстрых завтраков, ужинами Шарлотта не заморачивалась. Ни запаса продуктов в магическом аналоге холодильника, ни хотя бы какого-нибудь вчерашнего супа.

– Та, кем я была до, предпочитала купить готовое, – объяснила Шарлотта. – Проще. Денег хватало, а возиться на кухне она не любила.

– Я тоже не люблю, хоть в этом мы похожи. Значит, объясняй, что и как у вас тут делается.

Содержимое ее – своей теперь уже – сумочки я изучила еще в обед, там был кошелек, в нем – незнакомые монетки и толстая пачка пластиковых карт. Две банковских и куча бонусных. Кстати, бесплатный для сотрудников обед я получила, предъявив брелок-ключ. Точнее, приложив его к опознающей пластине на кассе. Удобно. Но ужинами в академической столовой не кормили.

– Закажи здесь, – призрак выбрал карту с аппетитной картинкой пиццы. – Ты голодна, а у них быстрая доставка. Просто возьми в руки и подумай о меню, откроется окно связи.

Что сказать – поудобнее телефона и даже интернета! Я выбрала большую пиццу с грибами и салат, добавила к заказу морс, а в последний момент – пиво. Не слишком его люблю, но обидно же попасть в другой мир и не сравнить? Тем более что времени на сравнение может оказаться всего ничего.

Мысли переключились на профессора. Пока я очень сомневалась, что сумею не то что его в себя влюбить, но даже сама влюбиться. Отвращения или отторжения он не вызывал, но каких-то положительных эмоций – тоже. Требовательный, вьедливый начальник. Придирается по мелочам. Не хамит, но... вот честное слово, лучше бы хамил! Будь я чуть более впечатлительной, его леденяще вежливые реплики могли бы и до слез довести. Заметно дистанцируется. Для начальника – разумное поведение, но мою задачу делает еще более невыполнимой. Как будто она и без того не почти невозможная!

Всего один день – и я даже в мыслях называю этого сухаря исключительно профессором! Изумительное начало для романтической истории любви.

– Расскажи о нем.

– Ты уже видела, – кажется, это было возражение. Или удивление? В общем, я поняла так, что призрак считает выданную утром информацию исчерпывающей и не горит желанием повторять.

– Что он за человек? – я решила быть настойчивой – от точного ответа, в конце концов, вполне может зависеть моя жизнь или смерть! – Мировое светило – понятно. Завкафедрой – посмотрелась за сегодня. А отставить ученого, начальника и преподавателя в сторону – что останется? Влюбиться ведь должен не доктор и профессор, а Дугал Норвуд. Да и меня доктор и профессор не вдохновил. Может, человек окажется интереснее.

Шарлотта замерла, даже, пожалуй, застыла на месте, будто погрузилась в глубокие раздумья. Выглядело, честно говоря, пугающе. Мало того что призрак, еще и неподвижный призрак посреди миленькой кухни, залитой закатным светом из окон.

– Эй! – не выдержала я. – Ты еще здесь?

– Странно, – она наконец очнулась, проплыла по кухне и зависла у окна. – Человека Дугала Норвуда нет в воспоминаниях Шарлотты. Доктор, светило, начальник, мужчина, но все это очень общее, схематичное. Не любит публичные выступления, студентов, почти всех, за редким исключением, открытые двери и чай. Кажется, все.

– Мало. – На самом деле практически ничего: про двери я и так уже поняла, а приглашать профессора на чай... ну, и без того ясно, что провальная идея. – А что любит?

– Варить зелья. Но это и так понятно, – Шарлотта помолчала, как будто прислушивалась к чему-то или и правда тщательно исследовала память живой, той, кем она была до. – Тишину. Свою личную лабораторию. Еще мать. Да, миссис Норвуд часто бывает здесь, помню что-то такое... Лимонный пудинг с корицей. В последний раз Шарлотта заказывала заранее, в Лондоне.

Безнадежно, в сотый раз подумала я. Даже если он не маменькин сынок, а просто мужчина, который любит мать – все равно. Худшая конкуренция на свете. Тем более если мужчина – из тех, что «женаты на своей работе».

– Сидней.

– Нет. Попробую узнать больше. Нужно время. Ты справишься здесь, без меня?

– А что справляться-то? Ужин принесут. Спальню найду.

– Хорошо. – Шарлотта снова исчезла, как вчера в ритуальной комнате. А я подумала вдруг, что даже не знаю, где у нее входная дверь, не говоря уж о том чтобы открыть. И пошла искать. И вообще – осматриваться.

Вряд ли Шарлотта отличалась повышенной аккуратностью – я не заметила того особого, идеально-симметричного порядка, который достигается только занудным педантизмом. В прихожей до сих пор висело зимнее пальто, с босоножками соседствовали закрытые туфли. Зато чистота царила идеальная – еще бы, если уж достигается она взмахом руки. Миллионы домохозяек позавидуют черной завистью...

Входная дверь открылась от легкого прикосновения, хотя была заперта – я услышала тихий щелчок замка. Дверь была, кстати, непривычной, хотя в Лондоне можно иногда такие увидеть в старых домах. С забранным бронзовой решеткой квадратным смотровым окошком и с бронзовым же, начищенным до рыжего блеска дверным молотком в виде свернувшегося в кольцо дракона. А вот звонка, самого обычного дверного звонка, я не нашла. Это что же – гости здесь стучатся? И как, интересно, слышно со второго этажа?

Снаружи коттедж походил на сказочный домик. Красный кирпич едва просматривался сквозь зелень плюща и цветущие плетистые розы, белые и густо-алые. Небольшой палисадник полон цветов – высоченные мальвы, яркие разноцветные флоксы, куст китайской сирени, кружево аспарагуса и сизые листья хосты, пышные петунии и настурции в парящих в воздухе без какой-то заметной поддержки вазонах... Магия? Отчего-то не верилось, что Шарлотта развела такую красоту сама. Очень уж продуманные сочетания цветов, видна работа садового дизайнера. И как же за всем этим ухаживать? Вроде бы, кроме полива, нужны какие-то подкормки? Надо будет спросить. Через неделю, если...

Солнце падало за холмистый горизонт. Алый закат навевал мысли, очень далекие от оптимистичных. «Ну и где хваленая быстрая доставка?» Я в раздражении вернулась в дом.

Заказ ждал на столике в гостиной. Пицца, морс, пиво. Рекламный буклет. Что, никаких курьеров? А оплата? Ладно, вопросы можно отложить до возвращения Шарлотты. Пойду поищу бокал. Хлестать выпивку из горла буду через неделю. Не раньше.

Пиво оказалось необычным, с островато-горьким привкусом. Но приятно обволакивало язык, было холодным и мягко ударяло в голову – чего еще надо, спрашивается, в другом мире, в чужом доме и с куском горячей пиццы в руке. Но кончилось неожиданно быстро, так что осматривать второй этаж я пошла уже только с пиццей – вот она точно была вкуснее всех, перепробованных мной раньше, «оторваться невозможно», как говорят в рекламе. И почему не заказала сразу две? Хотя кто мешает повторить завтра?

На втором этаже, кроме спальни Шарлотты и гостевой, обнаружилась довольно-таки странная комната, которая, видимо, задумывалась как кабинет с библиотекой. Но всю библиотеку Шарлотты составляла пачка глянцевого журналов и несколько любовных романчиков в мягкой обложке, дорожного формата – книги из тех, что не жаль забыть в электричке. Что же касается кабинета – похоже, суточную норму работы та выполняла и перевыполняла днем,

а дома предпочитала отдыхать. А вот как отдыхать... Я растерянно разглядывала кусок пола примерно два на два ярда, покрытый чем-то вроде прошитой металлом резины. Почему-то наступать туда ничуть не тянуло. Что это может быть? Да что угодно! От бегового тренажера до магического варианта какой-нибудь адской компьютерной стрелялки. А черная матовая стена напротив? Очень похоже на экран выключенного телевизора или ноутбука! Не считая размеров – если это и правда экран, то класса «мегакрутой домашний кинотеатр».

– Включить или не включить? – последний кусок пиццы лег в желудок с приятной сытостью, и я махнула рукой: – А, завтра!

Экран засветился.

– Завтра нас ждет приятный солнечный день, – сообщила диктор. Ее брючный костюм, лазурный с бирюзовым отливом, сделал бы честь тенденциям сезона, а улыбка послужила бы отличной рекламой какой-нибудь продвинутой магической стоматологии. – Без осадков, ветер северо-западный, от слабого до умеренного. Температура воздуха ночью...

– К черту погоду, – мрачно сказала я. Ведь не собиралась вообще его включать! Хотя теперь по крайней мере ясно, что это телевизор, а не какой-нибудь...

– Афиша мероприятий? – спросила куколка-диктор.

– Выключись. Мне на работу.

Дошла – спорю с телевизором! Что дальше? Меня поработит стиральная машинка, или что их здесь заменяет? Кстати, надо бы осмотреть свой гардероб. Кажется, шкаф в спальне.

Телевизор выключился, стоило шагнуть за порог комнаты. Видимо, до этого счастливого момента он надеялся, что я передумаю...

Шкаф ломился от самой разнообразной одежды. Вот только, в лучшей традиции анекдотов, моей первой реакцией стало классическое женское:

– Надеть нечего!

Шарлотта явно не жалела денег на самые модные новинки. Хотя я с трудом представляла, как они сочетаются с промозглой осенней погодой: слякотью, дождями и туманами. Короткие расклешенные юбочки и открытые сарафанчики, обтягивающие майки и топики. С десятков коктейльных и вечерних платьев – слишком открытые, вызывающе откровенные. Все яркое, навевающее мысли о пляже, танцевальных вечеринках и даже свиданиях. Да, наверное, вот этот цвет фуксии должен быть мне к лицу – я приложила к себе платье и одобрительно кивнула, посмотрев в зеркало. Или вон тот васильковый... Но, боже мой, не на работу же!

Для работы условно годились брюки – условно, потому что я предпочла бы черные или нейтрально-бежевые, а не те рыже-коричневые, что были на мне сегодня, или висевшие в шкафу ярко-синие, оливковые и малиновые. Малиновые брюки! Кошмар!

И ни одной, НИ ОДНОЙ! Классической блузки. Ни белой, ни хоть какой-нибудь.

Да если заявиться на кафедру в этой малиновой жути и облипающей маечке... Удивительно, что профессор только за газетой прячется, я бы на его месте, наверное, вообще под стол уползла.

Решительно спустившись вниз, к так и рассыпанным по столу бонусным картам, я нашла визитку то ли ателье, то ли бутика – даже разбираться не стала. Стиснула, отчаянно думая о строгом рабочем комплекте – черные брюки классического кроя, белая блузка – приталенная, по фигуре, но закрытая и скромная.

Дернуло, как будто кто-то грубо рванул за руку. И я оказалась... видимо, все же в ателье. Стойка с образцами тканей, витрина с пуговицами, кружевами, застежками...

И то ли хозяйка, то ли мастер, полноватая, с первого взгляда располагающая к себе, которая приветливо мне улыбнулась и спросила с откровенным любопытством:

– Мисс Блер? Что стряслось?! Так внезапно – и так разительно отличается от ваших обычных заказов!

– Хочу произвести впечатление на мужчину с определенными вкусами, – честно ответила я. Всегда лучше скрывать большую правду, выставляя вперед маленькую и не самую важную ее часть...

– О-о-о... понимаю! Сейчас нарядим вас, мисс Блер, не сомневайтесь, избранник будет впечатлен и сражен наповал.

«О да, сражен», – подумалось мрачно. Тем временем я оказалась стоящей на такой же площадке, от которой едва не шарахнулась дома – и напротив соткалась из воздуха еще одна Шарлотта Блер. Как в зеркале, но объемная. И уже на ней материализовались та самая, представленная мной блузка и черные строгие брюки – чуть поуже, чем хотелось, но они так ладно подчеркивали фигуру, что я не удержалась и кивнула.

– Нужно поменять верх, – мастер покачала головой (все-таки мастер? и как же досадно, я понятия не имею, как к ней обращаться, а ведь Шарлотта наверняка знает!). – Вот так, посмотрите.

Вытачки на талии удлинились, и блузка села точно по фигуре, почти так же в обlipку, как все Шарлоттины маечки. Отложной воротник сменился стойкой, верхние пуговицы – не вырезом, а... как будто второпях просто не застегнулась до конца. Строгий фасон превратился в вызывающе сексуальный. Нет, для работы не годится... Но и отказаться язык не повернулся.

– Отлично, но строгая классическая тоже нужна.

– «Строгие классические» бывают очень разными, – улыбнулась мастер. – Давайте посмотрим, что окажется вам больше к лицу.

Следующий час – не меньше! – мы перебирали фасоны. Под конец у меня рябило в глазах от рюшек, вставок, вышивок, брошек... Но главное – я и в самом деле не могла выбрать! Почти все смотрелось просто чудесно. Даже сразу исключив модели с обилием кружева и пышными воротниками, буквально разрывалась. Пока не махнула мысленно рукой: счет Шарлотты позволял и не такие излишества, она еще днем сказала: «Деньгами распоряжайся смело, Шарлотта никогда не жила только на зарплату. У отца свой бизнес, он оплачивал все крупные траты. Хотя и зарплата в Академии Панацеи – весомая, даже у ассистентки».

Мелодично звякнул колокольчик над входной дверью, и внутрь шагнула... язык не поворачивался назвать ее женщиной средних лет, скорее уж феей. Легкая, тонкая, в воздушном темно-сером платье, таком элегантном и в то же время удивительно простом, что невольно залюбуешься. Светлые волнистые пряди выбивались из пышного пучка и обрамляли тонкое красивое лицо. «И никакой косметики, – зачарованно подумала я, – а выглядит потрясающе. Всем бы так. Магия? Сколько же ей лет на самом деле? Слегка за сорок?»

– Прошу прощения, Гризелла, увидела, что вы еще открыты. Добрый вечер. Не помешаю? – женщина-фея взглянула на меня такими же удивительными, как и вся она, глазами – ясными, светлыми, будто солнечными, и вдруг мягко улыбнулась. – Мисс Блер. Какая неожиданная встреча.

– Мисс Норвуд! – с изумлением воскликнула мастер, обернувшись. – Сабелла, дорогая, как давно вас не было! Проходите, не стойте не пороге. Чашку кофе? Чай? Для вас всегда открыто, вы же знаете.

Норвуд?! Неужели... о боже, у сухаря-профессора такая матушка?! Или это сестра?

– Добрый вечер, – как можно нейтральнее, чтобы не выдать своего незнания, ответила я. Прозвучало тепло – невозможно было не улыбнуться в ответ на улыбку этой удивительной, располагающей к себе с первого взгляда женщины. – Я уже все выбрала, так что...

И запнулась в растерянности. Вежливость требовала уверить, что «нет, никоим образом не помешаете, и вообще мне уже пора», – но уйти, когда на тебя чуть ли не с неба валится возможность что-то узнать о профессоре?! Даже если бы привычки журналиста не противились – не такая же я дура! Но и навязываться на общение, не зная всего того, что наверняка известно Шарлотте...

– Мисс Блер, если хотите забрать все сегодня, придется подождать. Минут пятнадцать, не больше, – очень удачно пришла на помощь мастер. – Сабелла, вы...

– Не беспокойтесь, я не тороплюсь. И да, пожалуй, чаю, как обычно. Спасибо, Гризелла. Может, составите мне компанию, мисс Блер? – она указала на один из круглых плетеных столиков у противоположной стены. Наверное, как раз для таких... ожидающих.

– С удовольствием!

Чай появился тем же волшебным образом, что и пицца. Пузатый заварочный чайник, две чашечки на блюдцах, сахарница, кувшинчик с молоком... и лимонный пудинг с корицей, окончательно снявший вопрос, кто передо мной. Ну ладно, почти окончательно – возможность совпадений никогда нельзя сбрасывать со счетов.

Чай благоухал мятой и к пудингу подходил изумительно – а пудинг был таким же невероятно вкусным, как и пицца. Наверное, в этом мире готовят исключительно с магией, вот и получается волшебный результат.

– В Академии Панацеи не подают вкусных пудингов? – улыбнулась мисс Норвуд, подцепляя ложечкой очередной кусочек.

– Не настолько, – я едва не ляпнула спалившее бы до самых потрохов «не пробовала» – она удивительным образом располагала к откровенности. Ударило внезапной паникой – как близко с ней общалась настоящая Шарлотта? «Да, миссис Норвуд часто бывает здесь»... Но где – здесь? Судя по манере работы профессора Норвуда, тот не потерпел бы визиты на кафедру даже любимой матушки. Может, в той же деревеньке, где живет и Шарлотта? Они могли пересекаться там случайно.

Я ведь даже не знаю, насколько «тесен» мир так или иначе причастных к Академии Панацеи! Может, матушка профессора и мирового светила знает там всех и каждого, а может – одного-двух, кто работает рядом с сыном или дружит с ним. Если у него вообще есть друзья в Академии – Шарлотта о таких не упоминала.

Ну, так или иначе, сейчас налаживать контакт нужно мне. При том что нет ни тем для разговора, ни каких-то зацепок или общих интересов. Разве что Дугал, но не скажешь же в лоб: «Мне надо узнать о вашем сыне! Как можно больше и подробнее!»

– К тому же в Академии мысли заняты чем угодно, только не вкусом пудинга, – с улыбкой сказала я. Нельзя в лоб – подходи издали, хитрыми зигзагами, или кружи голодной акулой, подбираясь к цели. Как сумеешь. Подхватывая крошки, пока не перепадет большой и по-настоящему ценный кусок. – Иногда, кажется, вообще не замечаешь, чем пообедала. Хватает более волнующих проблем.

Мисс Норвуд вскинула на меня удивленный и заинтересованный взгляд.

– Правда? Надо же, я... – она вдруг будто передумала договаривать то, что собиралась, отпила чая и бесшумно поставила чашку. – Если работа заставляет забыть о пудингах, но не вызывает раздражения, значит, это правильный выбор и большое счастье, не так ли?

– Не то чтобы я никогда не сомневалась в выборе, – показалось правильным «признаться», ведь если у меня, у нас все получится, наверное, захочу вернуться в журналистику, а не сидеть над бумажками на кафедре. – Но мне нравится знать, что занимаюсь нужным делом, а не какой-нибудь ерундой. К тому же в Академии по-настоящему интересно! Жаль только, что сама я не... – я запнулась, торопливо отхлебнула чай. Пусть додумает за меня. Не приложила руку ко многому интересному, не способна на что-то большее, чем быть ассистенткой – что угодно. Вынудить человека закончить твою фразу – отличный способ узнать его получше. Ну... или не его – а что он думает о тебе. А для меня сейчас – еще и не наговорить лишнего, если вдруг она знает Шарлотту лучше, чем я думаю.

– Не академик? – спросила мисс Норвуд, и вроде бы шутила, но голос был скорее задумчивый. – Признаться, не ожидала услышать от вас подобного, – вдруг добавила она.

Всегда считала, что «сердце пропустило удар» – всего лишь красивая, но крайне глупая фраза. Оказывается, бывает... Наладила, называется, контакт! Проколоться в пять минут – уметь надо.

– А что вы ожидали услышать? – я сделала вид, что отпиваю глоточек чая. Выиграть пару секунд, прийти в себя. Решить, что делать дальше. Признаться? Перевести в шутку? Сбежать?

– Я работаю в престижнейшем заведении Британии. Мы зажигаем звезды. И я горда, что имею к этому отношение. Это великая честь. А доктор Норвуд – замечательный начальник. Ах, простите, мне пора бежать, иначе он будет крайне недоволен. А он не должен быть недоволен, потому что он светило мирового уровня! И мы вместе зажигаем звезды... – мисс Норвуд усмехнулась. – Что-то в этом роде. Какая все же ошибка судить о людях по первому впечатлению. Мне очень жаль. И ведь никогда прежде не замечала за собой такой привычки.

Угроздило же попасть в тушку помешанной на престиже дуры! Нет уж, будь что будет, но...

– На нее похоже. И это очень грустно. А вы, очевидно, умеете составлять верное впечатление. Знаете, мисс Норвуд, мне ничуть не жаль, что я не академик и не зажигаю звезды. Но жаль, что я – Шарлотта Блер. Потому что она сотворила грандиозную глупость, и как теперь выпутаться – неизвестно.

И без того большие голубые глаза расширились, но, надо отдать должное, эта удивительная женщина не выронила чашечку, не воскликнула что-то вроде «О Боже мой!» и даже не учинила допрос на месте.

– Мне кажется, мисс Блер, нам нужно поговорить. Но модный салон для таких разговоров не годится.

– Но вы ведь что-то хотели здесь...

– Подождет, – мисс Норвуд поднялась, и я вскочила следом.

Готова была уйти, не дожидаясь своего заказа – иногда даже вечные скептики вроде меня верят в знаки судьбы! Но тут мастер – или все же хозяйка? – вышла к нам с объемистым пакетом моих обновок. Наверное, прежняя Шарлотта никогда так горячо ее не благодарила. Иначе с чего бы такое изумление?

– Извините, Гризелла, я зайду завтра с утра. Неожиданно вспомнила о срочном деле. Память... – мисс Норвуд махнула рукой, открывая портал, и добавила тихо, приглашая войти первой: – Единственная мысль, когда такое видишь: раздвоение личности.

– Но это не оно, – и я шагнула на пушистый кремовый ковер в небольшой гостиной.

4

Я утопала в мягком кресле, вцепившись в чашку с чаем, и не знала, с чего начать. Мисс Норвуд не торопила. Сидела напротив, смотрела из-под ресниц, словно искала десять отличий между мной и настоящей Шарлоттой.

Смысла ходить вокруг да около не было, а начинать стоило с главного.

– Шарлотта умерла. Меня вселило в ее тело, а она теперь – призрак. Летает рядом и повторяет, как сожалеет. А что толку сожалеть? Напутала что-то в ритуале. – Я помолчала, раздумывая, можно ли выдать так же в лоб то, что в проблемах по уши не я одна. Все-таки в качестве советчика мисс Норвуд нравилась мне гораздо больше призрака-Шарлотты. – В приворотном ритуале. На нее и профессора Норвуда.

– На Дугала?! Но, Бран Благословенный! Зачем? Их ведь... ничего не связывало.

– Вы же сами сказали – там, в салоне. «Он светило мирового уровня, и мы вместе зажигаем звезды». Стать женой светила гораздо престижнее, чем быть простой ассистенткой. Которую замечают, лишь когда забывает закрыть за собой двери или является в лабораторию с распущенными волосами. Нет, она не была влюблена в профессора. Но очень хотела его внимания.

– Верно. Слишком много честолюбия и пустой бравады, – мисс Норвуд поднялась, обхватила себя за плечи, будто мерзла или старалась держать себя в руках не только фигурально. – Она же знала, что такая темная магия требует жертву. Всегда! Мы все это знаем!

– Темная магия?! – наверное, сказать, что я изумилась, было бы сильно приуменьшить. – Приворот?

– Не простой приворот. Ритуальный. Для обычной девичьей глупости достаточно зелья, он и снимается легко, но если мисс Блер проводила ритуал... О да, очень темная и древняя магия.

– Никогда бы не подумала... Простите, – спохватилась я, – наверняка глупый вопрос был, да? Но там, откуда меня притянуло, вообще нет магии. Только шарлатанство и суеверия. Я совсем в таком не разбираюсь.

Мисс Норвуд обернулась ко мне, взглянула как-то очень мягко, с сочувствием.

– Откуда же вас притянуло? И как так вышло? Древние, забытые силы ходят только путями духов. До смертных им нет дела, пока те не позовут.

– Я точно не звала! Но... – встало перед глазами, как живое, надменное лицо «потомственной темной ведьмы»: тяжелые веки, вздернутый подбородок, губы, неразборчивый шепот... – Я журналист. Делала репортаж... как раз о магии. О том, что выдают за магию наши мошенники. По-видимому, раз магия существует в принципе, и среди тех мошенников могла встретиться настоящая ведьма? Утверждала, что потомственная и, кстати, темная... Я ей предложила доказать хоть чем-то, кроме пустых слов, она в ответ пообещала вывести меня в астрал. И... все. Очнулась уже здесь. С орущим истеричным призраком перед носом.

– Бедная девочка. Наверное, даже не поняла, что произошло. Не осознала, что это конец. Призрак сейчас здесь, с вами?

– Нет. Не знаю, когда она появится.

– Но если ваша связь не разорвана... Когда это случилось?

– Сегодня ночью. Шарлотта сказала – в полночь или чуть позже. Днем я заменяла ее на кафедре. Потому что...

Я замерла, сцепив руки в замок. Вдруг поняла, что весь вечер была на грани истерики, и вот сейчас подошла к ней почти вплотную.

– Ничего не закончилось, да? – сдавленно, словно через силу, спросила мисс Норвуд. – Темные ритуалы необратимы, а раз тело мисс Блер вобрало чужую душу, значит... Приворотное проклятье. Сколько у вас времени?

– Это еще и известное... известная информация?! – Боже, Шарлотта оказалась даже большей идиоткой, чем я думала! Но, кажется, мне не придется объяснять детали. – Она сказала, неделя. Первый день уже прошел. И я... я совсем не знаю, что делать!

– Не столько известное, сколько пугающее. Из страшных сказок, – мисс Норвуд прошла по комнате, потом снова опустилась в кресло. – Мисс Блер забыла о главном условии – древним силам всегда нужна жертва. Она расплатилась собой, но ритуал был уже нарушен. Не следует злить тех, о ком ничего не знаешь. Насколько я понимаю, теперь она привязана к вам и будет привязана, пока действие проклятья не закончится. Скажите, мисс... Не Блер же в самом деле! Как вас зовут?

– Салли... То есть, вообще-то Фрейя Салливан. Салли – для близких, мне не очень нравится зваться именем богини. Я бы хотела, чтобы вы называли меня так.

– Жаль, чудесное имя, с красивой историей. Можете звать меня Сабеллой, так проще. Скажите, – она сбилась, вздохнула, неосознанным, кажется, привычным жестом, поднесла руку к глазам. – Я ведь не ошибусь, предположив, что проклятье двустороннее? И что вы связаны им не только с мисс Блер, но и с моим сыном?

Все-таки мать...

– Да, – почти прошептала я. – Но он не знает. Ни о чем.

– Он должен узнать, – прозвучало с удивительным для таких новостей хладнокровием. – Не о ритуале, – добавила торопливо. – А о том, что мисс Блер уже не совсем мисс Блер. Иначе у вас нет шансов. Ни одного. Но если будете вести себя как сегодня в салоне Гризеллы Амтаун, думаю, неведение само по себе долго не продлится. Дугал наблюдателен.

– Проблемы две, – я все-таки выпила давно остывший чай. Залпом, не чувствуя вкуса. – Он и я. Профессор... Дугал, – чтобы произнести имя, понадобилось внутреннее усилие, – мне кажется, совсем не из тех, кто способен влюбиться за неделю! Да еще в собственную ассистентку, которая до сих пор только раздражала. А я... мне просто хочется бросить все и бежать!

– У вас в вашей реальности остался любимый человек? – мягко спросила мисс Норвуд. Нет, Сабелла.

– Он меня бросил, – я поставила чашку и откинулась на спинку кресла. – И даже ушел не к другой. Просто в одно прекрасное утро сообщил, что я невыносима и он получил работу в Сиднее. Подальше от меня. Боже, там, дома, даже остался билет в Сидней. Не собиралась за ним гоняться, но очень хотелось посмотреть, просто посмотреть... город, на который меня променяли. Стало какой-то навязчивой идеей. А теперь я здесь, и все планы насмарку... да и какие теперь планы?

– Иногда должно случиться чудо или трагедия, чтобы мы взглянули на вещи иначе, – Сабелла вроде бы говорила обо мне, но как будто и о себе тоже. – Вы все еще любите его?

– Не знаю. Я бы сказала «нет», но... Больно вспоминать. Бесит. Обидно. Наши психологи утверждают, что подобные чувства не может вызвать тот, к кому ты равнодушен.

– Уязвленное самолюбие, разочарование и разбитые мечты тоже нельзя назвать равнодушием. Но и любовью не назовешь. Что ж, по крайней мере пока у нас есть хотя бы надежда. Вы не похожи на человека, который торопится расстаться с жизнью.

– Расскажите о Дугале, – попросила я. Теперь имя далось легче. – Я спрашивала у Шарлотты, но она совсем его не знает. Только светило, не человек. На кафедре он... – я запнулась, подбирая слова: какой матери понравится, если о сыне прямо скажут «сухарь»? – Очень закрыт. Весь только в работе. Мне показалось, его неимоверно раздражают любые отвлекающие факторы. Даже простой вопрос, не хочет ли он кофе.

– Скорее его раздражают люди, которые любят «зажигать звезды», – улыбнулась мисс Норвуд. – И Академия Панацеи. Вся, от крыши до подземелий. Он там не по своей воле, а из-за меня. Но сейчас речь не об этом. Пойдемте, – она поднялась и поманила меня за собой. –

Мне сложно судить о нем непредвзято, вы должны понять, он мой сын. Так что давайте договоримся: я показываю, а вы спрашиваете обо всем, что придет в голову.

«Не по своей воле?» Бывает, тебя неделю убеждают, что какая-то тема может быть интересна, а ты всеми правдами и неправдами от нее уворачиваешься – а потом вдруг чувствуешь запах сенсации в короткой, вроде бы не по делу, а то и вовсе ни о чем, фразе. Сейчас произошло именно это. В словах Сабеллы Норвуд, а если разобраться, то в оттенке голоса, приопущенных ресницах, почти неуловимой тени, набежавшей на лицо, таилось нечто гораздо большее, чем она готова была сказать вслух. Что же, сейчас и правда речь не об этом. Попробую выяснить позже... если это вообще важно в нашей ситуации.

Пока же мы пришли, видимо, в детскую. Веселые обои с мишкой Тедди и Винни-Пухом, забавная лампа в виде парящего под потолком призрака – ничуть, к счастью, не похожего на Шарлотту, а скорее на Каспера. Небольшой стол и книжная полка. Я провела пальцами по корешкам, наклонила голову, читая названия. Учебники, детская энциклопедия, красочно изданные познавательные книги для детей – «История алхимии», «От амебы до питекантропа», еще что-то мало мне понятное – о магии...

– Сейчас Дугал редко ночует у меня и занимает другую комнату. Но любит посидеть здесь, обдумывая очередную сложную задачу. Говорит, эта ностальгическая атмосфера его вдохновляет.

– Книжный ребенок? – спросила я.

– О, что вы! Он с детства считал, что все самое полезное и интересное хранится в голове, а не на бумаге. Какая-то необъяснимая неприязнь к буквам. Даже учебники почти не читал, говорил – зачем, если есть учитель, владеющий навыками устной речи? Обязательная программа давалась ему слишком легко. Он скучал, а раз скучал, значит, пытался найти занятия поинтереснее. Всего за полгода начальной школы я освоила, кажется, все целительские закликания, которые только можно применять к детям. А портал в кабинет директора или в школьный медпункт могла создать, не задумавшись ни на секунду.

Я невольно улыбнулась.

– И какие же занятия он считал интересными?

– Например, выяснить, что будет, если применить к королевскому турнепсу заклятие вечного роста с компонентом скорости, а на гуматы в компосте наложить заклятие бесконечного удвоения, чтобы бедному растущему организму хватало пищи. Или насколько быстрой будет регенерация корней мандрагоры при добавлении в питательную смесь кладбищенской земли. Турнепс пробил крышу школьной теплицы и укрыл листьями весь школьный стадион вместе с игроками и зрительскими трибунами, а выдирать его из земли пришлось сразу трем магам из отдела экологического контроля. К счастью, «бедный растущий организм» не успел дать семена. Хотя экологи меня убеждали, что семена сохранили бы исходные признаки растения, но... они ведь не знали моего сына!

Я рассмеялась уже в голос. Никогда бы не поверила, что суровый доктор Норвуд, с его «подберите волосы», «двери закройте» и «не маячьте», мог разнести экспериментом школьную теплицу (сразу видно будущего гения!) и вообще, похоже, был головной болью учителей и директора. «Бедный растущий организм», надо же так обозвать банальный корнеплод! Хотя... уже далеко не банальный!

– А мандрагора? Надеюсь, она никого не убила?

– Эксперимент окончился, не начавшись. Дугала поймали на кладбище. По словам смотрителя, мальчик пытался поднять зомби. Сам он утверждал, что это был не ритуальный круг, а всего лишь площадка для обеззараживания земли, ведь он не хотел занести в теплицу вредителей! Но Дугала изгнали с позором и запретили совать нос на территорию кладбища. Так или иначе с кладбищенской землей ему не повезло.

Сабелла осеклась, и я неожиданно для себя взяла ее за руку.

– Давайте надеяться, что запрет еще в силе и ему снова не повезет.

– Да. Надеяться! – она, будто очнувшись, тряхнула головой, мягко сжала мои пальцы. – Я могу показать фотографии. Хотите?

– Конечно! Люблю рассматривать фотографии, – кстати, чистая правда, особенно если снимки сделаны неожиданно, а не в студии под ретушь. – Они бывают очень... честными, пожалуй.

Фотоальбомов в этом мире не было. Мы пришли в небольшую комнату, где напротив уже знакомой стены-экрана и «резиновой» площадки перед ней стояли уютный диванчик и небольшой столик. Наверное, чтобы пить чай перед телевизором, не опускаясь до пререканий с диктором. Короткий плавный жест – и экран осветился.

– Дугал, – коротко сказала Сабелла. И спросила, когда на экране появилась россыпь крошечных картинок. – Вам очень тяжело, Салли? В нашем мире? Если бы не этот чудовищный ритуал, вы могли бы заинтересоваться или хотя бы привыкнуть? Ведь для человека, который никогда не владел магией, все здесь, наверное, выглядит очень странно, – она кивнула на экран. – Порталы, чары, чай и пудинги из ниоткуда?

– Тяжело оказаться... не в себе, – грустно пошутила я. – Потерять все, к чему привыкла. Работу... любимую работу, да. Наверное, и правда к лучшему, что любимого человека вдруг не оказалось. А здесь – здесь интересно.

– А ваши родители? – осторожно спросила Сабелла, будто боялась задеть болезную тему.

– Семь лет назад. Автокатастрофа.

– Мне очень жаль, – прозвучало гораздо искреннее, чем все «жаль» призрака Шарлотты. – Мой отец умер, когда мне было девять, но я до сих пор помню его, молодым, веселым, он будто всегда рядом. Что ж, – помолчав, добавила она. – Если мы хотим, чтобы вы завтра работали, а не уснули в стопках корреспонденции, то нужно поторопиться. Я, конечно, могу напоить вас эликсиром бодрости, но у него есть побочные эффекты, не заметить которых Дугал не сможет.

Она снова махнула рукой, и вместо маленьких картинок на экране появилась одна, большая. Это даже не телевизор. Это какой-то многофункциональный телевизоромпьютер! Разве что мышкой щелкать не приходится.

– Вот пожалуйста, сэр Брэдлингтон, тот самый, что владеет навыками устной речи. Преподаватель естествознания и природной магии. Ну а мантия его – у Дугала. Они прекрасно ладили.

Худощавый джентльмен в кепи, с щеточкой усов и квадратным подбородком, щеголял костюмом в полоску и бамбуковой тросточкой. Он стоял, судя по всему, у входа в школу, а позади него топталась стайка малышни лет пяти-шести; один из мальчишек действительно нарядился в черную мантию, вызвавшую в памяти выпускников Оксфорда. Ну как нарядился, утонул в ней – будет точнее! Мантия ниспадала красивыми складками, расстилалась по широким ступеням королевским шлейфом, а сверху торчала вихрастая нестриженная макушка и задорно сверкали ясные глаза.

– А это позже. Средняя школа. Дугал с Розой Алеус. Рядом – его друг, Честер Фулли. Сейчас – один из ведущих целителей Британии.

Роза Алеус была вовсе не девочкой, как я на мгновение подумала, а... наверное, чем-то вроде того самого королевского турнепса. В смысле, жертва, то есть продукт, очередного эксперимента. Неопознаваемое (мною, по крайней мере) растение, похожее... да ни на что не похожее! Чутьку от шиповника, немного от капусты, что-то почти неуловимое – от орхидеи...

– Эта Роза была их проектом. Видите – двенадцать корневищ. А обычно – семь, в редчайших случаях – любое нечетное число до одиннадцати. Никто не верил, что у них получится.

– Господи, что это?! Оно... шевелится?! Или мне показалось? – никаких корневищ я вообще не видела, разве что ими были те самые шевелящиеся щупальца, одно из которых

нежно поглаживал круглощекий веснушчатый Честер Фулли. Дугал никакой нежности к Розе не выказывал, зато та ласково обвивала его запястье сразу тремя щупальцами. И даже, кажется, норовила прижаться к щеке сочным кудрявым листом.

– Да это прямо... любовный треугольник какой-то! – воскликнула я.

Сабелла рассмеялась.

– Вы почти правы. Роза жила у нас еще десять лет, представляете? Это удивительное растение, сложное в уходе, очень редкое и, можно сказать, разумное. Правда, Дугал никогда особенно не увлекался именно ботаникой. Ему всегда больше нравилась химия. А вот Честер Розу обожал, сонеты ей читал, когда заходил в гости. Шекспира. «Что значит имя? Роза пахнет розой»... Розы Алеус равнодушны к стихам и музыке.

Наверное, вид у меня стал совсем обалдевший. Разумные растения, равнодушные к сонетам! Да еще и Шекспира! Неужто Вильям наш Шекспир по мирам путешествовал? Или этот мир – почти что отражение нашего?

А может, наоборот, отражение – наш?

– Вы устали, – мягко сказала Сабелла. – Может быть, остальное посмотрим завтра?

– Давайте завтра, – с облегчением согласилась я. – То есть, спасибо, Сабелла, я с радостью. У меня просто, кажется, переизбыток информации – голова пухнет.

– Открывайте портал в гостиную, когда захотите. Мисс Блер ведь показала вам, как?

– Показала, но... У вас есть какие-нибудь способы связи? Надо ведь предупредить?

– О визите? Нет, конечно, зачем? Я услышу, когда вы придете.

– Наверное, ко всему этому надо просто привыкнуть. Хорошо, зайду после работы. Спасибо за приглашение. И... за понимание, – добавила тихо.

– Я попробую связаться со знакомым ритуалистом, но, боюсь, мы ничего не сможем исправить. Древние ритуалы, к сожалению, не поддаются нейтрализации. Как она могла такое сотворить, в голове не укладывается. – Сабелла тяжело вздохнула. – Не отчаивайтесь, Салли. Дугал вовсе не плохой человек. Может быть, излишне резкий и замкнутый, но не плохой. Только, пожалуйста, не надевайте ничего вызывающего или слишком яркого. Он не выносит такое на работе.

– Оч-чень его понимаю! – с чувством ответила я. – Эти кошмарные малиновые брюки! Зачем бы еще мне мчаться на ночь глядя заказывать нормальную одежду?

Я так устала, что боялась не попасть домой – то есть в коттедж Шарлотты, надо же, уже называю его домом. Но оказалось, что перегруженная до полной неспособности думать голова ничуть не помеха перемещению: тело на автомате сделало нужный жест, и я шагнула из гостиной Сабеллы в Шарлоттину естественно и легко, будто всю жизнь ходила по гостям таким способом.

Сил едва хватило на то, чтобы подняться в спальню, стащить одежду и заползти под одеяло. Ощутила под щекой прохладную мягкую подушку – и провалилась в сон, как в пропасть.

ГЛАВА 2. День второй: среда

– День второй, – пробормотала я, уже привычным взмахом руки открывая портал. После пиццы с кофе на завтрак, в строгой белой блузке и черных брюках чувствовала себя... нет, совсем не так уверенно, как хотелось бы. Но, по крайней мере, приемлемо. Не сплю на ходу, никаких малиновых штанов – уже счастье. А если учесть, что Гризелла Амтаун – так, кажется, звали мастера? – наложила на одежду чары саморазглаживания... Или как еще назвать, когда достаешь блузку из свертка, а она прямо в твоих руках разворачивается и становится идеально выглаженной, только надеть? Даже интересно стало: это часть услуг дорогого статусного салона или в порядке вещей в этом мире? И спросить не у кого, Шарлотта так и не вернулась.

В Академию я явилась раньше вчерашнего, на больших часах над столом профессора было без десяти. Но он уже сидел с газетой, в точности как и вчера – ночует здесь, что ли?!

– Доброе утро, профессор, – обозначила я свое присутствие.

– Недуг прогрессирует и грозит перерасти в хроническую стадию, – он взглянул на часы и снова уткнулся в газету, а я вдруг вспомнила, как мальчишка-Дугал сурово отворачивался от гладившего его листа Розы... как там ее? Аурус? Алеус? И едва сдержала неуместную улыбку. – Во время третьей пары у меня встреча в Лондоне. Если не договоритесь о замене, сообщите сразу. Найдется, чем их занять.

– Хорошо. Решу этот вопрос прямо сейчас.

К счастью, вчера уже приходилось разбираться с расписанием, и я знала, куда бежать и к кому обращаться. Иначе неизвестно, как бы выкручивалась. Заместитель директора по учебной части, строгая седовласая дама, к частым визитам Шарлотты была привычна и расписание меняла без вопросов. В этот раз даже порадовалась:

– Как удачно, профессор Леви только что просила выкроить лишние часы для химерологов.

Так я и доложила, вернувшись. И села разбирать почту.

Сегодня корреспонденции у профессора было мало, на первый взгляд – ничего особенно срочного, Я отогнала навязчивую мысль, что и срочное скоро может стать для него неактуальным. Проводила взглядом прямую спину в черном пиджаке, посмотрела на часы – секунда в секунду, крайняя степень пунктуальности. Наверное, легко быть пунктуальным, когда перемещаешься порталами – никаких пробок, случайных встреч или внезапных перемен обычного маршрута.

Разложенные по стопкам письма отправились профессору на стол, а я взялась за газеты. Пора посмотреть, что происходит в этом мире!

Не знаю, следил ли за прессой так тщательно профессор Норвуд, или тот же набор доставляли на все кафедры, но на его столе были все, видимо, более-менее популярные издания, от «Таймс» и «Дейли телеграф» до забавной газетки с названием «Позитивные новости» и нескольких листов бесплатных объявлений. С них-то я и начала. В конце концов, как еще быстро и детально познакомиться с новым миром, сидя на рабочем месте без права отлучаться и возможности потрепаться с такими же утомленными работой несчастными? Да и интересно было, что из себя представляет местная пресса – с профессиональной точки зрения.

Сгребла всю пачку и унесла за стол, выполнявший на кафедре функции то общего рабочего, то обеденного – пустой и чистый, занятый только чайником, постоянно полным кипятка, и графином с постоянно же ледяной водой. Удобная штука магия... Чашки и запас сахара, сливок и бисквитов хранились в шкафчике рядом, на верхней полке. Нижние две были забиты пробирками, флаконами с реактивами и вызывали в памяти анекдоты о биологах, у которых

в холодильнике рядом с бутербродами сложены ожидающие препарирования дохлые мыши. Спасибо что не о морге и патологоанатомах...

Я сделала крепкий черный кофе, высыпала на блюдце крекеры и развернула верхний листок. Ну что сказать. Красиво, броско, стильно. Яркие цвета, достаточно плотная бумага, хорошая верстка. Приятно в руки взять. Что касается содержимого... Первое же объявление заставило поперхнуться.

«Опытный маг-ритуалист дает консультации по составлению индивидуальных ритуалов».

Вот что это, спрашивается? Намек от мироздания? Знак судьбы? Но Сабелла утверждала, что в моем случае никакие ритуалисты не помогут, хотя и пообещала все-таки найти кого-то для консультации. Надо показать ей. Я с трудом удержалась, чтобы тут же не спрятать листок в свою сумочку. Лучше все-таки спросить разрешения, хотя бы из вежливости.

Посмотрела на часы – до конца пары сорок минут. Почитаю пока, что еще предлагает мироздание...

«Подзарядка амулетов, обновление чар, зачарование с нуля «под ключ» объектов любой сложности». Пригодится или нет? Спросить у Шарлотты, не нужно ли обновить какие-нибудь чары в доме? Взгляд метался по листку хаотично, притягиваясь к ярким рамкам. Самые обычные «куплю-продам-ищу» соседствовали с такими же «куплю-продам-ищу», но совершенно невероятными для привычного мне мира. В самом деле, «приобрету фортепиано недорого» или «отдам за полцены детскую кроватку», а рядом...

«Молодая самочка остроухой мантикоры ищет мальчика для вязки. Окрас рыжий, отличная родословная, дипломы выставок». Бррр... Так и вижу экзальтированную дамочку на шпильках, стесняющуюся произнести слова «кобель» и «сука». И плевать, что не колли или доберман, а мантикора – заводчики во всех мирах наверняка одинаковы. Так что, если вдруг понадобится мантикора в хозяйстве – искать не здесь.

«СРОЧНО требуется няня с быстрой реакцией. Ребенку 3 года, научился открывать порталы». Хм-м, а это еще что? Размашисто, поперек объявления черными чернилами. «Ребенку – няню, матери – мозгов!»

Я бросилась к столу профессора. Где-то тут лежал его рабочий ежедневник... Нет, я не имею дурной привычки рыться в чужих записях, хотя иной раз это бывает очень полезно. Но посмотреть почерк...

Да. Точно. Хотя могла бы не сомневаться: за короткой, но весьма ядовитой пометкой слышались интонации доктора Норвуда. Так-так... Некоторые развлекаются кроссвордами, а профессор, похоже, отдыхает мозгами на бесплатных объявлениях? Понимаю – там чего только не встретишь!

Положила ежедневник на место, поправила, чтобы лежал так же ровно, строго параллельно краю стола, и вернулась к газете. Рассеянно отпила остывший кофе.

«Требуется! Некромант на полставки. Гибкий график. Обращаться к смотрителю Кенсингтонского кладбища». Бррр... И правда – чего только не встретишь! Здесь, выходит, и некроманты есть? Хотя... говорила же Сабелла, что Дугала пытались обвинить в попытке поднять зомби. Значит, это в принципе реально?! Ой, мамочки. Кажется, я как-то не до конца осознавала, куда меня занесло.

Пометка все теми же черными чернилами острым почерком доктора Норвуда: «мест для новых покойников нет, пора разгонять старых» – ничуть не рассмешила. Кто их знает, вдруг и правда!

Но теперь я стала просматривать листок уже целенаправленно в поисках объявлений, которые привлекли внимание профессора и удостоились его особого ценного мнения. Таких оказалось немного, и далеко не везде «особо ценное мнение» истекало ядом.

«Хит сезона! Перчатки, сумочки и аксессуары из кожи страуса, аллигатора, питона, дракона. Покупателям полной коллекции – скидка!» Я задумалась над милым соседством страуса

и дракона, в котором доктор Норвуд, очевидно, предпочел страуса («перчатки! страус. 9.09»). Даже странно. Мне-то казалось, дракон круче, даже в виде кожи. Интересно, что будет девятого сентября? Кроме того, что суббота и наш пятый день? Чей-то день рождения? Подбирает подарок?

«Продам Орущую Настурцию. Она здорова, но плюется!» О-о-о, а здесь снова доза яда: «Идиот. Купи удобрения». Ах да, Дугал не любит ботанику, но разбирается. Орущая настурция, которая еще и плюется... да уж. А казалось бы, такой милый цветок.

«Ищу менеджера по рекламе! Просьба обращаться только людей с тремя высшими профильными образованиями! Портфолио, стандартный пакет документов, выписку со всех имеющихся счетов, рекомендации от четырех известных в мире рекламы профессионалов предоставлять обязательно!» Однако запросы! Самое смешное, что такие вот деятели, требующие «стопицот» рекомендаций и портфолио, достойные Нобелевки, сами, как правило, абсолютные нули. Здесь, как видно, тоже, судя по ехидному «Ключ от сейфа в швейцарском банке забыл» все теми же черными чернилами.

В глаза бросилось такое же острое и черночернильное «мисс Блер». Что? Неужели он не так уж... то есть, все-таки замечал Шарлотту? Может, все не настолько безнадежно, как мне казалось?

Я вчиталась в объявление, затем – в острый почерк профессора. «Ищу моделей для съемок в рекламе. Приветствуются фактурные девушки, красивые глаза обязательны». Кстати, глаза у Шарлотты... теперь у меня... и правда красивые, необычные, с колдовской зеленью на общем карем. «Пишут «глаза», думают «грудь». Как раз для мисс Блер. Удачное применение ее фактуре и, разумеется, глазам».

Да-а-а уж, приложил так приложил. Я представила свою реакцию, если бы узнала, что наш главред считает меня безмозглой клушей, годной только трясти сиськами в рекламе. Уволилась бы – сразу же! Это, в конце концов, унижительно! Но Шарлотта... Не могла же она быть настолько идиоткой?! Все-таки ее сюда взяли, в это «самое престижное» учебное заведение! Хотя... что она там говорила о богатом отце? Может, не только или не столько за собственные заслуги посчастливилось оказаться на этом месте? Или у профессора просто завышенные требования к ассистенткам? Но что тут завывать, если даже я, ничего не зная о мире вообще и Академии в частности, вполне справляюсь? Или мне пока не попадалось сложных задач?

Я смотрела на ровные строчки объявления и косой, острый, летящий почерк доктора Норвуда и не могла понять, что теперь делать. Потому что, если уж честно, первым и пока что единственным пришедшим в голову вариантом был глупый и истерический – схватить профессора за лацканы его безукоризненно отглаженного пиджака, трясти и вопить: «Я – не она!»

Ну ладно, можно не трясти. И не вопить. Но надо же что-то предпринять?! Потому что сейчас мои-Шарлоттины шансы добиться от него внимания близки к абсолютному нулю. И я даже не могу винить его за это.

Кошмар.

Кофе закончился, я удивленно заглянула в опустевшую чашку – сама не заметила, как выпила. И никакого удовольствия.

Сделать еще?

Нет. Бесполезно. Выпью еще одну или десять – ничего не изменится. Не исчезнет ни это дурацкое объявление, ни мнение Дугала Норвуда о Шарлотте. Безнадега.

Я положила листок, прижав его пустой чашкой.

– Сидней. Пять дней, даже с половиной. Отлично, – сказала вслух и не узнала собственного голоса. Ах да. Он ведь и так не мой.

– Помечтаете в обеденный перерыв, – раздалось от двери. – Вы нужны в нижней лаборатории. Практикум по возгонке у алхимиков.

Профессор прошел к своему столу и вдруг обернулся. Кажется, он впервые смотрел на меня так – прямо и бесконечно долго, а темная бровь медленно ползла вверх. Вообще может человек так изгибать брови? И что происходит? На лице профессора не дрогнул ни один мускул, но отчего-то казалось, что это для него крайняя степень изумления.

– С каких пор вас интересуют газеты? И почему ради такого случая главный цветник не засыпало снегом? – ядовито поинтересовался он. – Миссис Трунберри внезапно ушла в отпуск? Так найдите другого целителя.

– Уже нашла, – хмыкнула я. – Возьму этот номер, здесь как раз есть подходящее объявление. Вы не против? Если вам он еще нужен, верну завтра.

– Не нужен. И поторопитесь. Через пятнадцать минут даже мистер Обли должен стоять у котла с набором ингредиентов.

Вот тут-то меня и догнала паника. «Справляюсь»? Ну конечно, справлялась, пока от меня не требовалось ничего сложнее разбора почты и замен в расписании. Я даже не знаю, где эта нижняя лаборатория! Не говоря уж о мистере Обли и его ингредиентах.

«Шарлотта! Где ты бродишь?! То есть летаешь! ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?!»

Мысленный вопль удался на все сто – Шарлотта возникла рядом.

– Успокойся, ничего страшного не происходит. Спускайся, нижняя лаборатория рядом с ритуальными комнатами, в одной из которых мы встретились.

Дорога словно по волшебству всплыла в памяти. Коридор, лестница, открытая галерея с мраморными статуями, снова лестница и снова коридор, узкий и холодный. Перед нужной дверью обнаружилась кучка парней и девушек.

– Откроешь хранилище, велишь студентам взять наборы для возгонки. Проследишь. Мистер Обли, о котором упоминал профессор, это едва не отчисленный с первого курса алхимик. Едва не отчисленный благодаря как раз доктору Норвуду. Он не выносит безалаберного отношения к его предметам. Вон, смотри, тот растрепанный, в перекошенной мантии.

Передо мной расступились, но из-за спины кто-то окликнул масляным голосом:

– Добрый день, мисс Блер. Хорошая погода сегодня, правда?

– Мистер Эпплстоун, – пояснила Шарлотта. – Любит заигрывать. Ничего серьезного, не обращай внимания.

– Если вам, мистер Эпплстоун, больше хочется на пляж, чем на практикум, не смею задерживать, – я приложила к замку брелок и первой вошла в открывшуюся дверь.

Да-а, мраченько. Столы со штативами, живо напомнившими школьный кабинет химии. Три раковины у самых дверей. В дальнем конце аудитории – преподавательский стол и стеклянный шкаф, полный пробирок, колб и какой-то еще химической посуды, названия которой я не знала. Рядом дверь с табличкой «Хранилище №4». И холодно. Студенты не спешили окутаться в эту атмосферу, и я, обернувшись, слегка повысила голос:

– Что стоим, кого ждем? Заходим. У вас практикум по возгонке. Где брать все необходимое, сами знаете.

Прислонилась к преподавательскому столу, наблюдая за ленивым копошением студienzусов. Те не обращали на меня никакого внимания: перешучивались, обсуждали вчерашнюю вечеринку и завтрашний футбольный матч между алхимиками и целителями, гадали, даст ли «этот зверь Норвуд» проверочную или сразу начнет с «лабы». Только Эпплстоун косился и, проходя к «Хранилищу №4», почему-то подмигнул. Странные у него заигрывания. Интересно, в какой мере Шарлотта их поощряла?

Мысль меня отвлекла, и внезапный грохот заставил подпрыгнуть на месте. Причину шума я увидела сразу: долговязый растреп в перекошенной мантии торчал посреди лаборатории, растерянно обзвывая валявшийся у его ног котел, осколки чего-то стеклянного и рассыпавшиеся... что? ломтики фруктов? Кажется, я чего-то крупно не понимаю!

Остальные среагировали так, будто наблюдали такое едва ли не каждый день. Большинство даже не повернулись в его сторону.

– Обли! – воскликнула рыжая девчонка неподалеку от меня. – Я из-за тебя воду пролила!

– Радуйся, что сегодня у нас нет ничего ядовитого! – парень за соседним столом вздохнул и взмахом кисти смел в кучку осколки стекла, фрукты, разорванную бумажную упаковку и откуда-то взявшегося дохлого паука. Следующий взмах отправил все это в мусорное ведро, стоявшее у входа возле раковин.

– Но там больше нет готовых наборов, – пробормотал этот растяпа. – Элли, можно я снова с тобой в паре поработаю?

– Стив, опя-ать! – простонала девица, занимавшая стол рядом с ним – видимо, та самая Элли. – Может, хоть отсидишь подальше, а? Я скоро поседею от твоих выкрутасов.

– Аппарат для возгонки пусть возьмет на стеллаже слева, на нижней полке, – подсказала мне Шарлотта. – А корзина с яблоками – в холодильном шкафу. Там, в кладовке.

Чувствуя себя бестолковым актером, полагающимся на суфлера, я озвучила все это мистеру Обли. Добавив от себя:

– Надеюсь, вы способны совершить этот дополнительный рейс без происшествий? Хватит на сегодня. У вас, – посмотрела на часы, – три минуты. Остальные, по местам.

– У нас еще три минуты, – бархатно проворковал Эпплстоун почти у меня над ухом. Прошел мимо, крепко прижимая к груди свой котел, задел плечом, извинился с преувеличенной любезностью и спросил: – А может, сходим на пляж вместе, мисс Блер?

– Не раньше, чем вас перестанет шатать на каждом шаге, мистер Эпплстоун. Или вы решили, что мистера Обли мало нам всем для остроты ощущений? Пройдите на свое место и готовьтесь к занятию.

Любитель пляжей и, видимо, сисек, изумился. Кажется, я снова вела себя не так, как следовало вести Шарлотте.

– Мистер Эпплстоун, не будете ли вы так любезны сесть на место и принести пользу нашей уважаемой Академии – хотя бы слегка напрячь мозг, а не то, что обычно вам его заменяет? – вкрадчивый, с бархатными интонациями голос абсолютно не сочетался с обычным профессорским «не маячьте». Но на студентов подействовал не хуже предупредительной очереди над головами из чего-нибудь очень скорострельного и очень смертоносного.

Из рук рыжей девчонки выскользнул стакан. Кто-то, кажется, решил попробовать лабораторные яблоки на зуб и теперь надрывно кашлял. Эпплстоун побледнел и испарился. Нервы у подрастающего поколения явно были ни к черту.

А Дугал Норвуд стремительно шел к своему столу, на ходу взмахивая рукой – и предметы на столах студентов перемещались в каком-то одному ему ведомом порядке.

– Вижу, вы удачно провели лето. Если мне когда-нибудь потребуется вернуть мозг в зачаточное состояние, буду знать, с кем проконсультироваться. Напоминаю один раз, как должен выглядеть лабораторный стол перед опытом. Вы не на рынке, мисс Грей, и это не прилавок для яблок. Котел, мистер Сэвидж, это вам не цилиндр, и, если вы не собираетесь надеть его на голову, он не должен стоять дном вверх. Мисс Смит, ваша страстная любовь к книгам здесь неуместна. Уберите эту впечатляющую гору в сумку, если не хотите произвести возгонку бумаги.

Хорош, зараза! Наблюдать за потоком вежливого ехидства, когда он, разнообразия ради, направлен не на тебя, оказалось захватывающим занятием. Так и подмывало попросить дать мастер-класс.

– Мистер Обли, – профессор остановился у стола и теперь взирал на несчастного растяпу, который как раз вышел из хранилища, как удав на кролика. А тот застыл на пороге, нежно прижимая к груди стеклянную конструкцию из колбы, стакана и каких-то трубок – очевидно,

тот самый аппарат для возгонки. На узком горлышке колбы невероятным чудом держалось крупное красное яблоко.

– Д-добрый день, проф-фессор Норвуд.

– Вы дарите мне надежду, что в этом мире все же существует постоянство. Отлипните от пола и, будьте добры, донесите этот натюрморт сюрреалиста до стола в целости.

Я перешла в дальний угол класса – снова по подсказке Шарлотты. «Нам придется следить за безопасностью, может произойти взрыв. С места профессора трудно контролировать всю лабораторию, этот край на тебе. Я помогу сегодня, дальше будешь сама».

«Взрыв?!» – не сказать, чтобы перспектива взрывов меня обрадовала. Тем более что мистер Обли, от которого стоило ждать неприятностей в первую очередь, сидел гораздо ближе ко мне, чем к профессору. А совсем близко оказалось место мистера Эпплстоуна, который уже вполне откровенно косился на мои-Шарлоттины сиськи.

– Итак, – профессор прошелся по классу, и студенты замерли, боясь, кажется, даже дышать. Умеет же... держать аудиторию. В страхе. Пожалуй, Шарлотте грех жаловаться, по сравнению с этим. – Я полагаю, даже в испекшихся или иссохших за лето мозгах должна была забрезжить мысль ознакомиться с темой занятия заранее. Если вас не хватило даже на это – соболезную, но ничем помочь не могу. У нас не так много времени, чтобы тратить его на повторение теории. Есть в классе те, кто не получил зачет по агрегатным состояниям? – вопрос хлестнул так резко, что даже я вздрогнула.

– Д-да, – пискнула та самая мисс Грей, чей стол в начале урока и впрямь напоминал прилавок с яблоками.

– Пересдача опыта, как только сдадите. Сейчас можете быть свободны или побудьте зрителем. Остальные – за работу. Для тех, чья память слишком коротка, напоминаю последовательность действий.

Он развернулся к своему столу, на котором успела появиться та же конструкция, что у студентов. Чуть заметно, плавно шевельнул кистью.

– Режем.

Яблоко взмыло в воздух, распласталось на ровные аккуратные дольки, которые упали в стакан с водой. Еще жест, такой же плавный, отточенный, красивый.

– Замораживаем. Помещаем в емкость, – повинуясь мановению его руки, яблочные дольки в блестящей ледяной броне одна за другой влетели в колбу. – Закрываем. Создаем щит класса «В», кто забыл, как это делается, могут быть свободны до пересдачи. Затем под щитом – вакуум. Мистер Обли, вы хорошо расслышали? Сначала щит. Затем вакуум. Под щитом, а не снаружи.

– С него станется, – пробормотал Эпплстоун.

– Не забываем удалять водяные пары. Скорость процесса зависит от вложенной силы, окончание опыта определяется интуитивно. Надеюсь, никого из вас не затруднит вовремя заметить, что ваши яблоки превратились в сухофрукты.

«Звучит просто, – подумала я, – для магов-то. Раз, и заморозили, два, и вакуум. Так и растворимый кофе можно дома впрок запасать».

– Естественно, – подтвердила Шарлотта, – кофе делают по этой же технологии. Ты не так глупа, как большинство этих. Не отвлекайся. Следи. Вакуум – это опасно.

Следить за стремительно усыхающими дольками яблок было... пожалуй, не столько интересно, сколько жутковато. Я уже пользовалась магией, научилась чуть ли не щелчком пальцев вскипятить воду или поджарить тосты, успела оценить косметические чары, порталы, магическое портновское искусство, но почему-то лишь сейчас поняла очевидное. То, что магия – оружие страшней ядерной бомбы. Если каждый студент-недоучка способен создать зону вакуума в отдельной области... на минуточку, внутри вполне может оказаться чья-то голова! Что же тогда могут сотворить по-настоящему сильные и умелые маги?

– Не отвлекайся, – знакомое ощущение проглотившей тебя медузы, короткий жест двумя руками сразу – снова я даже не успела понять, что именно сделала, но почему-то знала, что при необходимости сумею повторить. Над столом Эпплстоуна зависли, как в стоп-кадре, острые осколки стекла и льда, ошметки яблок и почему-то бумаги. Какой-то записки или письма.

Это изумленно-обиженное выражение будет, наверное, сниться мне в кошмарах. Вытаращенные глаза, скошенный к переносице взгляд – осколки зависли буквально в дюйме-полтора от лица Эпплстоуна. И тот, кажется, не мог сейчас решить, чему должен удивиться больше: что все еще цел или что допустил такую оплошность.

– Поздравляю, мистер Обли, у вас появился достойный конкурент, – профессор возник рядом, я почувствовала его за плечом – ощущением силы и почему-то безопасности. – Отпускайте щит, мисс Блер. Последите за группой, пока я устраню последствия размягчения мозгов мистера Эпплстоуна. – Перед моим лицом мелькнула рука, вынув из воздуха обрывок бумаги. – Хм. Возможно, вам будет приятно узнать, что этот достойный молодой человек упустил контроль над опытом, потому что пытался поразить вас, мисс Блер, своими поэтическими талантами.

– О да, – не выдержала я. – Поразил. В самую печень.

Опустила дрожащие руки – только поняла, что до сих пор бессознательно, на запущенном Шарлоттой рефлексе удерживала щит. И залюбовалась Норвудом. Тот походил сейчас на дирижера или хирурга. Осколки сталкивались с тихим звоном, собираясь в колючий сверкающий шар, похожий на свернувшегося ежа. На «ежиные» иголки нанизывались ошметки яблок, клочки бумаги, а потом все это просто испарилось. Осталась только ошарашенная физиономия Эпплстоуна – хотя нет, уже не ошарашенная, а перепуганная. Осознал, чем могло закончиться.

– Если кто-нибудь еще желает поразить объект своих грез, пожалуйста, не душите в себе порывы. Лабораторная по алхимии – самое подходящее время. Я буду счастлив лично сопроводить вас в кабинет миссис Маскелайн за документами и с не меньшим счастьем распрощаюсь с вами навсегда. Мистер Эпплстоун, соберите свои вещи и покиньте аудиторию. Завтра после занятий жду вас на кафедре со всем имеющимся багажом знаний. Вашу участь будем решать вдумчиво и всесторонне.

Я считала, что испуганной физиономия Эпплстоуна была минуту назад? Ошибалась. Настоящий ужас отразился на ней лишь сейчас. Похоже, «достойный молодой человек» и ценитель сисек не сомневался: осколки в лицо покажутся легким бризом и нежной лаской по сравнению с тем, что его ждет наедине с профессором Норвудом.

До конца занятия в лаборатории стояла такая тишина, что слышно было шипение испаряющегося льда и тихий шорох усыхающих яблочных долек. Честное слово, мне казалось, что даже эти несчастные яблоки насмерть перепуганы! Группа почти не дышала. И кабинет после занятия покидали молча, едва ли не на цыпочках. Никаких шуточек и смешков.

Мне тоже было не до смеха.

Задним числом осознала – если бы не Шарлотта, все закончилось бы далеко не так благополучно. Смогу ли повторить сама, если вдруг? Да я даже не успела понять, что происходит! А она, кстати, после взрыва исчезла, причем я не заметила точно, когда именно. И почему? Ладно еще, если просто скучно стало и решила, что теперь может оставить все на меня. А вдруг потратила много сил на вмешательство и больше не появится?

Профессор Норвуд ушел последним. Задержался на пороге, сказал в пространство:

– То, что произошло, не заслуживает настолько похоронного вида. Но реакция похвальная. Придите в себя, у вас, в конце концов, обеденный перерыв. Кексы ждут.

Я невольно фыркнула. Пробормотала:

– Спасибо.

Наверняка не услышал – слишком быстро закрылась дверь. Да и неважно. Главное, что он и в самом деле меня успокоил. И даже, вот уж чудо из чудес, похвалил.

И только в столовой, уже пообедав и запивая душистым чаем шоколадный кекс, поняла еще одно: он знает, что Шарлотта любит кексы!

Вот как, доктор Норвуд? Вы все-таки обращали внимание на свою ассистентку, хотя бы иногда?

2

– Сейчас тебя вызовут к директору Маскелайн.

Кажется, я подпрыгнула вместе со стулом, так внезапно оказался призрачный шепот Шарлотты в ухо. Хорошо еще, как раз успела проглотить чай, а то, наверное, заплевала бы весь стол.

«Откуда ты взялась?! И почему вот так, над ухом?! Ты, пока живой была, не усвоила, что с людьми говорят не из-за спины?»

– Профессор Норвуд в Лондоне, – будто и не услышав меня, отозвалась Шарлотта. – А директор давно не получала новостей. Будь осторожна. Она сильная ведьма, нельзя, чтобы обо всем догадалась. Поэтому просто повторяй за мной. Память Шарлотты во мне пока еще не утрачена.

Что?! «Я тебя правильно поняла? Ты хотела влюбить его в себя, а сама докладывала о нем директору?! О нет, скажи, что я ошибаюсь».

– Сплетни и новости. А взамен – престижная работа и уважение. Для многих в этом нет ничего странного. Маскелайн держит профессора Норвуда крепко, очень крепко. Это не дружеские и даже не рабочие отношения, все сложнее. Шарлотте было все равно. Она не знала подробностей. И тебе о них знать пока ни к чему.

Я вспомнила слова Сабеллы о том, что Дугал в Академии не по своей воле. Здесь точно таилась какая-то неприглядная история!

– Не лезь в нее, – Шарлотта, похоже, услышала мои мысли. – Тебя это не касается.

Я только хотела спросить, почему это вдруг меня не касаются дела и проблемы того, в кого я должна влюбиться, но тут прямо перед моим носом зависла крошечная ярко-зеленая птичка. Она появилась из ниоткуда, и я снова чуть не подпрыгнула, а птичка рассыпалась на искры и сложилась в записку: «Мисс Блер, жду вас у себя в ближайшие 20 минут».

Подписи не было.

– Подпись не нужна, это личное заклинание Маскелайн – посланник. Больше никто таких не присылает. Иди, Шарлотта всегда торопилась. Ей льстило внимание директора.

Да, спасибо что пообедать успела. «Веди. Я, если ты помнишь, не знаю дорогу».

Долго искать кабинет директрисы не пришлось, он располагался недалеко от парадного входа. Пафосная двустворчатая дверь из красного дерева с двумя беломраморными статуями по бокам вполне органично смотрелась в шикарном холле, я даже видела ее раньше, но почему-то подумала, что там находится конференц-зал или что-то наподобие.

В роскошном просторном кабинете пахло корицей. Солнце заливало мягкий кремовый ковер с длинным ворсом, в котором утопали ноги, отражалось в плотных золотистых шторах с рюшечками и массивной люстре. На полках под крутобокими, явно раритетными вазами, теснились наградные кубки. Стены были увешаны дипломами в рамочках. Каждый шкаф, каждый стул здесь, казалось, говорили: «Ну посмотри, посмотри, как же мы хороши! Мы здесь не просто так, мы помогаем зажигать звезды». А посреди этого не то музея, не то гостиной восседала за массивным столом дама.

Она была настолько же идеальна, как ее кабинет, и настолько же... не безжизненна, нет, а... я замерла, пытаюсь подобрать правильное слово. Декоративна? Представительна? Строгий костюм цвета кофе с молоком – ненавижу этот оттенок! Белоснежная блузка, крупная яшмовая брошь под воротником – точно того же красноватого оттенка, что уложенные в высокую строгую прическу волосы. Косметики на первый взгляд немного, но именно что на первый взгляд. Очень дорогая, и лицо «нарисовано» очень умелым стилистом.

Слегка полноватые чувственные губы сложились в приветливую улыбку, а Шарлотта сказала мне в ухо:

– Добрый день, директор.

Я повторила за ней, директриса благожелательно кивнула.

– Проходите же, дорогая моя, не стойте. Чаю?

Приветливость и благожелательность так и сочились из нее. Не отравиться бы этой искусственной сладостью.

«Нет, благодарю», – хотела ответить я, но Шарлотта опередила.

– Благодарю вас, директор, с удовольствием.

Я ощутила себя уже не актером с суфлером, а безмозглым попугаем, который повторяет что ему скажут.

Перед директрисой и передо мной возникли чашки. Только пудинга не хватало, вместо него появилась тарелка с клубничным рулетом и вазочка с джемом. Картина до боли напоминала вчерашнюю. Только вот сейчас напротив меня сидела не Сабелла. Эта женщина, в отличие от той, не вызывала никаких положительных эмоций.

– Ну что же, моя дорогая мисс Блер, мы так давно с вами не виделись. Наверняка вы порадуете меня чем-нибудь интересным?

«Чем? Взрывом на лабораторной?»

– Это для нее мелко. Говори: вчера доктор Норвуд получил письмо из Мюнхена. Там вышла его публикация. Приглашают на конференцию. А два дня назад пришел пакет от Изольды Свенсон. С согласованными протоколами клинических испытаний и расчетом уточненной рецептуры для антипохмельной микстуры. Все одобрено, можно оформлять патент.

– Антипохмельной? – с легким оттенком брезгливости переспросила директриса. – А впрочем... – Она задумалась, мелкими глотками прихлебывая чай, и Шарлотта подсказала мне:

– Ты тоже пей. Бери рулет, похвали: прекрасный бисквит. Она сама их печет. Маленькое невинное хобби.

Бисквит и впрямь был неплох, а вот количество сахара в начинке превышало все мыслимые пределы.

– Прекрасный бисквит, – повторила я, постаравшись вложить в голос не меньше сахара, чем в этом самом бисквите. Ссориться с директрисой нельзя, это я и без Шарлотты понимала. Пока нельзя. А там посмотрим. Мне совсем не нравилось ее пристальное внимание к профессору – и то, что Шарлотту используют, чтобы за ним шпионить.

– Но нельзя же все время говорить о делах, верно, дорогая? Мы обе знаем, как важно, чтобы каждый преподаватель и каждый студент в нашей потрясающей Академии чувствовал себя комфортно. Так что же доктор Норвуд? Как вам кажется, у него все в порядке? Надеюсь, вы, со своей стороны, дорогая, всячески способствуете его позитивному настроению.

– Я стараюсь, – ответила на этот раз без подсказки. Не знаю, может, Шарлотта выразилась бы как-то иначе, но она то ли в очередной раз исчезла, то ли просто выключилась из разговора. Оглянуться, чтобы проверить, было бы странным, на мысленный вопль она не отозвалась. Призвав все свои актерские таланты, я постаралась изобразить ту Шарлотту, какой она увиделась мне со слов Сабеллы. – Доктор Норвуд – потрясающий специалист! Соответствовать его высоким требованиям не всегда легко, но, надеюсь, у меня получается. И, конечно же, я делаю все, чтобы ему не приходилось отвлекаться от любимой работы на какие-нибудь досадные мелочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.